

По благословию его Высокопреосвященства Лавра,
первоиерарха Русской православной церкви
за границей, митрополита
Восточноамериканского и Нью-Йоркского

МЕЖДУНАРОДНЫЙ ИСТОРИЧЕСКИЙ ЖУРНАЛ

Русины

2024. № 78

Общественная ассоциация «Русь» (г. Кишинёв, Молдова)

Национальный исследовательский
Томский государственный университет (г. Томск, Россия)

**With the Blessing of His Eminence Laurus,
First Hierarch of the Russian Orthodox Church Abroad,
Metropolitan of Eastern America and New York**

International Historical Journal

RUSIN

2024. Nr. 78

Association "Rus" (Chişinău, Moldova)

National Research
Tomsk State University (Tomsk, Russia)

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ

Главный редактор

Сергей Суляк

Санкт-Петербургский государственный университет (Россия)

Ответственный секретарь

Никита Глущенко

Томский государственный университет (Россия)

Богдан Боднарюк

Черновицкий национальный университет им. Ю. Федьковича (Украина)

Василий Зиновьев

Томский государственный университет (Россия)

Анна Плишкова

Пряшевский университет (Словакия)

Зоя Резанова

Томский государственный университет (Россия)

Николай Руссев

Тараклийский государственный университет им. Г. Цамблака (Молдова)

Игорь Силантьев

Институт филологии Сибирского отделения Российской академии наук (Россия)

Вячеслав Содоль

Приднестровский государственный университет им. Т.Г. Шевченко
(Приднестровье, Молдова)

Николай Тельнов

Академия наук Молдовы (Молдова)

Александр Черкасов

Международный сетевой центр фундаментальных и прикладных исследований
(США)

Михайло Чучко

Черновицкий национальный университет им. Ю. Федьковича (Украина)

Роман Шапка

(Канада)

Пётр Шорников

Приднестровский государственный университет им. Т.Г. Шевченко
(Приднестровье, Молдова)

Михайло Фейса

Нови-Садский университет (Сербия)

EDITORIAL BOARD

Editor-in-Chief

Sergey Sulyak

St. Petersburg State University (Russia)

Executive Editor

Nikita Glushchenko

Tomsk State University (Russia)

Bogdan Bodnaryuk

Yuriy Fedkovych Chernivtsi National University (Ukraine)

Vasilii Zinoviev

Tomsk State University (Russia)

Anna Plišková

University of Preshov (Slovakia)

Zoya Rezanova

Tomsk State University (Russia)

Nikolay Russev

Grigoriy Tsamblak Taraclia State University (Moldova)

Igor Silantev

Institute of Philology of the Siberian Branch of Russian Academy of Sciences (Russia)

Veacheslav Sodal'

Taras Shevchenko State University of Transnistria (Moldova, Transnistria)

Nicolai Telnov

Academy of Sciences of Moldova (Moldova)

Aleksandr Cherkasov

International Network Center for Fundamental and Applied Research (USA)

Mykhaylo Chuchko

Yuriy Fedkovych Chernivtsi National University (Ukraine)

Roman Shapka

(Canada)

Petr Shornikov

Taras Shevchenko State University of Transnistria (Moldova, Transnistria)

Mikhajlo Fejsa

University of Novy Sad (Serbia)

Editor's Address: str. Miorita. 1C, ap. 83, Chisinau, MD 2028, Moldova,

E-mail: journalrusyn@rambler.ru

© Association "Rus", 2005-2024

СОДЕРЖАНИЕ

Страница редактора	9
--------------------------	---

История

<i>Чореф М.М.</i> Боспорский сестерций Нерона с надчеканкой «ІМРКА» как свидетельство межэтнических контактов	17
<i>Юрасов М.К.</i> Причины появления двух противоречивых версий истории переселения венгров из степей Восточной Европы в Карпатскую котловину (Константина Багрянородного и венгерских хронистов)	36
<i>Порсин А.А.</i> Участие бродников в битве на Калке в контексте монгольской политики в отношении народов Дешт-и-Кыпчака в 1222–1223 гг.	53
<i>Суляк С.Г.</i> Николай Павлович Глебовицкий: «За веру отцов!»	93
<i>Чемакин А.А.</i> «Украинский поход» 3-й Русской армии Врангеля (октябрь–ноябрь 1920 г.)	115
<i>Грек И.Ф.</i> Фёдор Трифионович Узун (1885–1941)	140
<i>Морозов С.В.</i> Великий иеродул чехословацкой и чешской историографии Мюнхена (памяти профессора Роберта Квачека)	176
<i>Содоль В.А.</i> Румынская оккупация Молдавской ССР 1941–1944 гг.: Бухарестский патриархат и политика румынизации (по материалам Национального архива Республики Молдова)	200

Лингвистика и язык

<i>Саболова Д., Кашова М., Харламова М.А.</i> Языковые контакты славянских и неславянских языков: семантика и функционирование германизмов в словацком языке	215
--	-----

УДК 94(47)

UDC

DOI: 10.17223/18572685/78/4

Участие бродников в битве на Калке в контексте монгольской политики в отношении народов Дешт-и-Кыпчака в 1222 – 1223 гг.*

А.А. Порсин

Независимый исследователь

Россия, г. Магнитогорск

E-mail: porsinart@gmail.com

Авторское резюме

Рассматривается проблема участия бродников в переговорном процессе между монголами и русскими князьями после битвы на Калке. Их статус был связан политической, которую проводили монголы в отношении покоряемых народов в этот период. Джучи с востока и корпус Джебе и Субедея через Кавказ должны были нанести двойной удар по восточным кыпчакам ольберли и союзной им коалиции меркитов Куду, найманов, кераитов и канглов. Для осуществления этого плана монголам необходимо было мирно подчинить или сделать союзниками те племенные и этнические группы, которые способны были оказать им содействие. Первоначально Чингисхан и Джучи пытались при помощи дипломатии включить канглов в военную структуру империи. Эти попытки окончились неудачей и штурмом Ургенча в 1221 г. Руководствуясь той же политикой, Джебе и Субедей зимой 1221–1222 гг. пересекли Кавказ и заключили мир с западными кыпчаками, благодаря которому корпус смог разгромить алан. Мир действовал до зимы 1222–1223 г., когда, по до конца неясным причинам, в монгольской политике произошли изменения. Джучи был отозван Чингисханом на восток для участия в курултае, и в то же время корпус нанёс внезапный удар по западным кыпчакам. Именно тогда руководство корпуса столкнулось с необходимостью поиска новых групп, способных оказать ему военную поддержку. Этими группами были подчинённые западным кыпчакам кочевые коллективы торгов и печенегов, враждебное дурутам Коятна кыпчакское племя токсоба и бродники.

* Статья подготовлена в рамках реализации программы программно-целевого финансирования Министерства науки и высшего образования Республики Казахстан ИРН BR24992878 «Изучение этнополитической и социально-экономической истории Улуса Джучи в XIII–XV вв.».

Ключевые слова: Джучи, Чагатай, бродники, кыпчаки, канглы, меркиты, ольберли, Калка

The participation of the Brodnici in the Battle of Kalka in the context of the Mongol policy towards the peoples of Dasht-i Qipchaq in 1222–1223*

Artem A. Porsin

Independent researcher
Magnitogorsk, Russian Federation
E-mail: porsinart@gmail.com

Abstract

The article examines the participation of the Brodnici in the negotiation between the Mongols and Russian princes after the Battle of Kalka. Their status was related to the policy pursued by the Mongols towards the conquered peoples during this period. Jochi from the east and the corps of Jebe and Subedei across the Caucasus were to strike a double blow through the Caucasus against the eastern Kipchaks of Olberli and the allied coalition of the Merkits of Kudu, Naimans, Keraites and Kanglys. To implement this plan, the Mongols needed to peacefully subjugate or make allies of those tribal and ethnic groups capable of assisting them. Initially, Genghis Khan and Jochi tried to include the Kangly in the military structure of the empire through diplomacy. These attempts failed, and Urgench was captured in 1221. Guided by the same policy, Jebe and Subedi crossed the Caucasus in the winter of 1221–1222 and made peace with the western Kipchaks, thanks to which the corps was able to defeat the Alans. The peace lasted until the winter of 1222–1223, when, for reasons that are not entirely clear, changes occurred in Mongolian policy. Jochi was recalled by Genghis Khan to the east to participate in a kurultai, and at the same time the corps launched a surprise attack on the western Kipchaks. It was then that the corps leadership was faced with the need to find new groups capable of providing it with military support. These were the nomadic groups of Torks and Pechenegs subordinate to the Western Kipchaks, the Kipchak tribe of Toksoba, hostile to the Koyatna Duruts, and the Brodnici.

* The article has been prepared under the programme of targeted financing of the Ministry of Science and Higher Education of the Republic of Kazakhstan IRN BR24992878 Study of the ethnopolitical and socio-economic history of the Ulus of Jochi in the 13th–15th century.

Keywords: Jochi, Chagatai, Brodnici, Kipchaks, Kanglys, Merkits, Olberli, Kalka

Участие бродников в переговорном процессе русских князей с монголами, состоявшемся после битвы на Калке, является одним из самых загадочных эпизодов в цепи трагических событий, произошедших в южнорусских степях в конце весны–начале лета 1223 г.

Стоит начать с того, что об этническом происхождении и географической локализации группы, именуемой в источниках бродниками, сведений крайне мало. Сообщение о действиях Плоскыни в 1223 г. является самым информативным из трех упоминаний этого объединения в русских летописях. В 1147 г. бродники вместе с половцами участвовали в столкновениях между русскими князьями в земле вятичей: «придоша к немъ Бродници . и Половци придоша» [27: 238]. В 1216 г. «кнзъ Юрьи Всеволодичъ . съ Стѣславомъ и с Володимеромъ . вышель баше из Володимера съ всею братьею . и блху польци силни велми Муромъци и Бродници . и Городчане . и вса сила Сүздальскои земли» [22: 266–267; 28: 354].

Существует точка зрения, высказанная Ф.И. Успенским [51], согласно которой, именно о бродниках идет речь в сообщении Никиты Хониата о событиях 1186 г. Автор перечисляет союзников болгар, которые потерпели вместе с ними поражение: «Куманы, народ доселе не порабощенный, негостеприимный и весьма воинственный, и те, что происходят из Вордоны [οἱ ἐκ Βορδόνης], презирующие смерть, ветвь русских, народ, любезный богу Войны [объятый Ареем], оказавшие помощь балканским варварам» [49: 35–36]. Большинство исследователей принимают отождествление Вордоны и бродников [5: 35–36; 7: 133–134; 10: 199; 24: 115, 203; 59: 43].

Бродники и земля бродников упоминаются в пяти венгерских и папских грамотах в период с 1222 по 1250 гг. [48: 234; 59: 40]. Особенно стоит отметить первое упоминание о них в грамоте 1222 г. венгерского короля Андрея II тевтонским рыцарям, в которой сообщается: «...также за пределами земли Крейцбурга мы предоставили им землю, которая простирается вплоть до пределов бродников с одной стороны, и от засеки Хелмяга до истока реки под названием Бырса с другой» [54: 220]. Интересно послание короля Бельи IV папе Иннокентию IV, в котором венгерский правитель сообщал, что «страны... которые граничат с востока с владением нашего королевства, а именно Русь, Кумания, Бродники [Brodnici], Болгария, в большей их части ранее подчиненные нашей власти» перешли под власть татар. В грамотах 1227 и 1231 гг. сообщается о принятии бродниками католичества [48: 135; 59: 40].

Установление этнического происхождения данной группы или же

более детальная её географическая локализация не является целью данной статьи. Полный обзор основных точек зрения и аргументов по вопросу приведен Р.А. Рабиновичем. Поэтому здесь кажется целесообразным привести его основные выводы на этот счёт: «Группа населения, известная в источниках под названием “бродники”, достоверно зафиксированная с 1222 г., локализуется в Карпато-Днестровских землях, предположительно в Сиретско-Прутском междуречье. Вопрос об этнической принадлежности бродников нельзя считать решённым. Наиболее аргументированной представляется «славянская», но достаточно перспективными также «германская» и «аланская» версии. Связь между бродниками Подонья и Карпато-Поднестровья не очевидна и едва намечается. Данных о полукочевом воинском образе жизни карпато-днестровских бродников нет» [48: 235].

Согласившись с этими выводами, стоит лишь привести несколько уточнений. Во-первых, на наш взгляд, основания для выделения «донских бродников» несколько преувеличены. Первое упоминание этой группы в русских летописях, относящееся к 1147 г., когда они совместно с кыпчаками выступали в качестве союзников князя Святослава Ольговича, вероятнее всего, относится именно к бродникам с Днестра. Наличие военного альянса между ними и кыпчаками подтверждает сообщение Никиты Хониата об их совместных с болгарами действиях против византийцев в 1186 г. На то, что речь в тексте идёт именно о кыпчаках, кочевья которых располагались между Днепром и Доном, указывает сообщение Ипатьевской летописи. Согласно источнику, в 1187 г. русские князья совершили поход в степь «на вѣжа за Днепръ . и Романа Нездиловича воеводою . и взаша вежа за Днепромъ . и возвратишася во своѣси со славою . и чстьстью великою . Половци бо бахоуть шли в Доунаи . и не бѣ ихъ дома в вежахъ своихъ» [27: 452]. Следовательно, в 1186–1187 гг. существовало военное взаимодействие между днестровскими бродниками и кыпчаками, кочевавшими «за Днепром». Поэтому нет оснований относить бродников, воевавших вместе с кыпчаками в 1147 г., к некоей особой «донской группе». Также стоит отметить важную для нашей темы деталь. Согласно летописи, в данном случае бродники находились в альянсе с кыпчаками из племени токсоба [25: 281; 27: 238; 48: 238].

Поэтому единственным основанием для выделения группы неких «восточных бродников» является уже упоминавшееся сообщение Лаврентьевской летописи об их участии в битве 1216 г. на стороне владимиристо-суздальских князей Юрия и Ярослава Всеволодовичей с новгородским князем Мстиславом Мстиславичем. Учитывая весь комплекс известий, оно достаточно проблематично для интерпретации. Летописец относит бродников ко «всей силе Суздальской земли» и в

перечислении располагает их между войсками из Мурома и Городца. Судя по всему, какая-то группа, именуемая «бродники», действительно находилась под властью владими́ро-суздальского князя. Но, во-первых, учитывая географический контекст, её достаточно сложно охарактеризовать как «донскую». Во-вторых, вряд ли её представители принимали участие в переговорах после битвы на Калке, учитывая, что Василько Константинович с ростовской дружиной, которого Юрий Всеволодович отправил туда на помощь, так и не успел к битве и, находясь под Черниговом, узнал о разгроме русских войск [28: 309].

Во-вторых, стоит подчеркнуть, что несмотря на множество различных версий, все прямые указания источников говорят в пользу их славянского происхождения: 1) очевидная славянская этимология этнонима; 2) на столько же очевидная славянская этимология единственного известного имени их предводителя; 3) прямое указание Хониата на то, что бродники являются ветвью русских.

В-третьих, известно единичное упоминание топонима, связанного с бродниками, на территории, подчинённой Венгерскому королевству, датированное серединой XII в. [65: 358].

Итак, согласно летописи: «сам бо великїи кнѣзь Мѣстиславъ Кїевскїи вида се зло не движеса никакоже с мѣста . стал бо бѣ на горѣ . над рѣкою Калкою . бѣ бо мѣсто каменисто . и тѹто оучиниша город с кольем̄ . и биса с ними из града по . г̄ . днїи . а инїи же Татарове поидоша после Рѹсскых князеи бѹюще их и до Днѣпра . а оу города всталиса два воеводы . Чегиркань . и Тешукань . на княза Мстислава . и на зата его Андрѣа . и Александра Дѹбравьскаго . бѣста бо тѹ два кнѣза со Мстиславомъ . тѹ же и Бродници быша старые . и воевода их Плоскына . и тѣи вкаѣннии целовавъ крѣсть . кы кнѣзю Мстиславу . и вбѣма кнѣзма æко их не избити . и пѹстити их на искѹпѣ . и сѣлгавъ вкаѣннии предасть их свазавъ Татаром̄ . а город взаша а люди посѣкоша . а кнѣзии има издавиша и . под кладше под доски . а сами верху сѣдше вбѣдати и тако кнѣзи животь свои скончаша . и много оубиство бесчисленое створиса» [22: 266–267; 28: 354].

Исследователями неоднократно отмечались и очевидная славянская этимология имени военного лидера бродников, и то, что клятвенное крестоцелование подразумевало его хотя бы формальную принадлежность к Православию. Куда сложнее вопрос о статусе Плоскыни. Ясно, что каким-то образом бродники оказались на стороне Джебe и Субедея, тогда как «галицкие выгонцы» (согласно Ипатьевской летописи), территория которых обычно локализуется на Днестре, являлись союзниками русских князей [9: 284].

Летопись достаточно внятно описывает последовательность событий: Плоскыня пообещал русским князьям неприкосновенность

и возможность освобождения через уплату выкупа «wбѣма кнзѣма æко их не избити . и пүстити их на искүпѣ»; однако на переговорах, которые происходили вне укрепленного лагеря, князья были схвачены и переданы монголам «и сьлгавъ wкаæнные предасть их связавъ Татаромъ»; после этого начался штурм «а город взаша а люди постъкоша».

Возникает очевидный вопрос – на каком основании Плоскыня, пусть и ложно, но клятвенно гарантировал неприкосновенность русским князьям, и почему они ему поверили? Эти переговоры имели смысл и могли состояться только в том случае, если русская сторона была абсолютно уверена в том, что статус бродников и их воеводы в альянсе с Джебе и Субедеем достаточно прочен, и он действительно может дать какие-то гарантии. Это, в свою очередь, исключает вариант того, что бродники пришли на Калку в качестве союзников русских князей и кыпчаков Котяна и перешли на сторону монголов уже в ходе военного противостояния. Статус Плоскыни, вытекающий из обстоятельств переговорного процесса, говорит о том, что он был союзником монголов уже какое-то относительно продолжительное время и именно на их стороне участвовал в битве на Калке. Но когда и при каких обстоятельствах бродники стали союзниками монголов?

Для того чтобы ответить на этот вопрос, необходимо более подробно рассмотреть основные этапы и направления действий корпуса Джебе и Субедея после пересечения им Кавказа зимой 1221–1222 гг. и связанные с ними шаги, предпринятые Чингисханом и Джучи на востоке в этот период.

Как известно, существуют две точки зрения на то, какими были задачи, поставленные перед Джебе и Субедеем Чингисханом, и на то, был ли подчинён корпус его старшему сыну Джучи. Обычно их военный поход рассматривается как набег или рейд, основной целью которого была разведка [8: 25; 23: 353–355; 47: 608; 53: 112–113]. Однако, есть и другая точка зрения, согласно которой, рейд Джебе и Субедея являлся ударом в тыл кыпчакам, и должен был быть поддержан наступлением армии Джучи с востока, которое по каким-то причинам не состоялось [13: 36–43; 30: 49–119; 31: 311–315; 33: 705–715; 34: 316–359; 49: 131–149; 67: 411–438].

Стоит отметить, что в источниках практически отсутствуют прямые указания на то, какие инструкции получили Джебе и Субедей от Чингисхана перед началом рейда. Единственным исключением является сообщение анонимного грузинского Хронографа XIV в. Согласно источнику, они должны были «пройти земли Хорасана и Ирака и, покуда хватило бы сил, разведать те страны». Но вряд ли его автор мог знать конкретные планы монгольского командования. Сама характеристика

рейда говорит о том, что он не вполне понимал произошедшее: «А татары достигли Самшвилде и оттуда повернули обратно и содеяли нечто дивное... И поступили они столь необычно – прошли все пути-дороги, выйдя из Каракурума, и без роздыха да на некованных лошадях вновь в него же вернулись». В целом этим ограничиваются прямые свидетельства о рейде как о «разведке боем». Вторая точка зрения, напротив, подкрепляется рядом сообщений источников.

Во-первых, Джузджани дважды говорит о действиях Джучи после взятия Ургенча. Источник сообщает о том, что Джучи и Чагатай двинулись в Дешт-и-Кыпчак и покорили местные кочевые племена. В другом месте, говоря о происхождении Берке, он сообщает о том, что это произошло «в то время, когда его отец, Туши, захватил Хорезм и двинул войска в страну Саксин, Булгар и Саклаб» [73: 1101, 1283].

Во-вторых, Джувейни дважды сообщает о пребывании Джучи в Дешт-и-Кыпчаке в 1223 г. Согласно автору, зимой 1222–1223 гг., находясь в окрестностях Самарканда, Чингисхан «послал гонца к старшему своему сыну Туши с приглашением покинуть Кифчакскую степь», и именно оттуда он пригнал к отцу стада диких ослов, прибыв на летовку в Кулан-баши. Описывая рейд Джебе и Субедея, автор опять же говорит о том, что «армия Туши располагалась в Кипчакской степи и рядом с ней. Они соединились с нею и оттуда отправились к Чингисхану» [11: 94–95, 99].

Оба эти сообщения вполне соотносятся с содержанием ярлыка Чингисхана Джучи, отразившегося в трудах Джувейни и ан-Нувайри, согласно которому, он получал земли «от Кайялыка и Хорезма до крайних пределов Саксина и Булгара и дальше, где только касалось земли копыто татарского коня» [11: 30; 13: 139–140].

То, что в начале 1220-х гг. монголы продвинулись достаточно далеко на запад, подтверждает содержание письма Юлиана, написанного в начале 1238 г. Согласно источнику, восточные венгры, с которыми автор контактировал лично, четырнадцать лет вели с ними войну, которая на пятнадцатый год завершилась падением Великой Венгрии [54: 385]. Исследователи вопроса неоднократно указывали, что, так как захват Великой Венгрии монголами произошёл в 1236 г., война между ними должна была начаться в 1222 г. Это первое столкновение они связывали либо с походом Джучи или его войск на запад, либо с действиями корпуса Джебе и Субедея [1: 152; 54: 371, 393; 72: 105]. Последний вариант вряд ли можно принять, так как корпус встретился с войсками Волжской Булгарии только зимой 1223–1224 гг. В 1222 г. с восточными венграми могли столкнуться только монгольские войска, двинувшиеся на северо-запад после взятия Ургенча, т. е. войска, подчиненные Джучи.

Судя по всему, планировался двойной удар по кыпчакам с востока и запада. Рашид ад-Дин сообщает о том, что Джучи должен был захватить «Ибир-Сибир, Булар, Дашт-и-Кипчак, Башгирд, Рус и Черкес до Дербенда Хазарского» [40: 71–72]. Следовательно, крайней точкой его наступления должен был стать Дербент. Это вполне соотносится с сообщением Джувейни о том, что они «они подошли к Дербенту... прошли через него. Армия Туши располагалась в Кипчакской степи и рядом с ней; они соединились с нею» [11: 99]. На важность Дербента в реализации целей, стоящих перед корпусом, прямо указывает Рашид ад-Дин: «...и в соответствии с твоим приказом мы потратим год или два, завоёвывая все лежащие перед нами земли на столько, на сколько сможем, а затем вернёмся через Кыпчакские ворота к установленному месту встречи в Монголию» [70: 258]. Опять же, прямой захват территорий корпусом предполагался только до Дербента (Кыпчакских ворот).

Также есть все основания полагать, что корпус Джебе и Субедея подчинялся Джучи. В биографии подчинённого Джебе Исмаила в «Юань ши» сообщается о том, что после битвы на Калке ему было поручено доставить к Джучи пленного русского князя Мстислава (Мечжисыле) [19: 35; 55: 222]. Ровно та же ситуация произошла в 1218 г., когда, захваченный в битве на реке Чэм меркитский принц был отправлен к Джучи [71: 227].

Основания для такого вывода даёт и сообщение из текста Ц. де Бридиа, который был составлен в 1247 г. в Польше. Автор использовал текст Плано Карпини, но в то же время в его работе есть самостоятельные известия, в одном из которых говорится: «Третье же войско, которое пошло на запад с Тоссук-каном, сыном Чингиса, покорило сперва землю, которая зовется Теркемен, во-вторых – бисерминов, затем – кангитов, [и] наконец они вторглись в землю Куспкас, то есть Команию. А команы, объединившись со всеми русскими [князьями], бились с татарами между двумя ручейками, название одного из них Калк, а другого – Кониуззу, то есть “вода овец”, ведь кони по-татарски означает на латыни *oves* [овцы], уззу – *aqua* [вода], и они были разгромлены татарами. Крови с обеих сторон было пролито до самых конских уздечек, как передавали те, кто участвовал в сражении. Итак, когда татары их победили, то возвратились в свою землю и на обратном пути захватили некоторые земли на севере, а именно бастархов, то есть Великую Венгрию, которая соседствует с морем-океаном на севере» [32: 26; 60: 108–109]. Хотя Джучи и не мог принимать участие в битве на Калке, само это сообщение отражает представление о том, что монгольские войска, действовавшие в западном Дешт-и-Кыпчаке в 1223 г., подчинялись именно ему. Фактически источник описывает продвижение Джучи с востока на запад (туркмены – Хорезмийский

султанат (бисермины) – канглы – кыпчаки) и движение корпуса, завершившееся битвой на Калке, как единую военную операцию.

В приведённом выше сообщении летописец называет имена двух монгольских «воевод», находившихся неподалёку от осаждённого русского лагеря: Цыгыркань и Тешюкань. Очевидно, что ни Чингисхан, ни Джучи не могли в реальности находиться на Калке в это время. Поэтому С. Поу справедливо предположил, что в летописи отразилась информация из монгольского ярлыка, выданного Чингисханом, Джебе и Субедею, содержание которого стало известно русским князьям в ходе переговоров о сдаче [35: 705–715].

На то, что ярлык, выданный Чингисханом Джебе и Субедею, подразумевал именно масштабные завоевания и содержал ссылку на монгольскую доктрину всемирного господства, указывает Джувейни. Он приводит его фрагмент при описании переговоров о сдаче Нишапура: «Да будет известно эмирам и вельможам то, что... все лицо земли от восхода солнца и до его заката я отдал тебе. А потому каждый, кто явит свою покорность, будет помилован, как и его жены, и дети, и его добро; а тот, кто не покорится, погибнет вместе со всеми своими женами, и детьми, и родственниками» [11: 97]. О существовании «доктрины всемирного господства» в начале 20-х гг. XIII в., помимо Джувейни, сообщает Юлиан, согласно которому Чингисхан после победы над султаном Мухаммадом решил «подчинить себе весь мир» [54: 385]. Ю.И. Дробышев справедливо отметил то, что источники указывают на существование «доктрины всемирного господства» уже в этот период. При этом автор видит в сообщении Джувейни свидетельство применения «монгольскими парламентарями традиционного кочевого шаблона, в котором «все лицо земли» изначально означало бескрайнюю степь», полагая, что сама доктрина оформилась несколько позже [12: 85]. Однако эта интерпретация не вполне ясна, так как корпус изначально был направлен на завоевание оседлых территорий Хорасана, Ирана и Азербайджана. Важно отметить, что автор исходит из положения о том, что плана по захвату Дешт-и-Кыпчака в 1220–1221 г. не существовало. Именно поэтому два прямых сообщения источников о существовании в этот период доктрины мирового господства трактуются им, скорее, как декларации, не имеющие отношения к политической реальности.

Джувейни не называет имени того, кому Чингисхан отдал «все лицо земли от восхода солнца и до его заката». Но, судя по всему, речь шла именно о Джучи. Во-первых, как было показано выше, имя Джучи наряду с именем Чингисхана было известно на Руси, вероятно, посредством монгольского ярлыка. И эта доктрина напрямую увязывается с именем Джучи в упомянутом выше ярлыке Чингисхана, согласно

которому, он получил все земли «до крайних пределов Саксина и Булгара и дальше, где только касалось земли копыто татарского коня».

Есть и косвенные свидетельства. Представление о том, что корпус Джебей и Субедея подчинялся именно Джучи, возможно, отразилось в воспоминаниях кыпчаков, проданных в рабство в Египет. Согласно ан-Нувайри, после конфликта между лидерами кыпчакских племён дурут и токсоба, последние были разбиты, а их лидер Аккубул бежал к Джучи, который оказал ему военную помощь. В результате этого племя дурут, возглавляемое Котьяном, было разгромлено [14: 63–64]. Это сообщение содержит внутреннее противоречие, так как называет лидером, отправившим Джучи на запад, Угедея. Поэтому существуют разные точки зрения по поводу его датировки. Р.Ю. Почекаев полагает, что речь идёт о событиях западного похода второй половины 30-х гг. XIII в. [36: 110]. А.К. Кушкumbaев, напротив, связывает это сообщение с деятельностью Джучи [18: 80–81]. Ж.М. Сабитов изначально предположил, что речь в источнике идёт о событиях 1223 г., однако впоследствии изменил свою точку зрения и датировал конфликт племен дурут и токсоба 1227–1228 гг. [42: 181; 43: 959]. Д.М. Исхаков и И.Г. Закирова относят эти события ко времени западного похода 1230-х гг. [15: 504–522]. Стоит признать, что, учитывая имеющиеся данные, указанное противоречие можно равносильно трактовать и в пользу датировки 1223 г. и более поздним временем. С одной стороны, хан дурутов Котьян вполне соотносится с Котьяном Сутоевичем русских летописей, который возглавлял кыпчаков, бежавших на Русь после разгрома, нанесенного им Субедеем зимой 1222–1223 гг., и участвовал в битве на Калке. С другой стороны, Котьян со своей ордой в конце 1230-х гг. бежал от монголов в Венгрию, и, вероятно, перед этим потерпел от них поражение.

В сообщении Абу-л-Гази говорится о походе Джучи в Дешт-и-Кыпчак и о разгроме его армией кыпчаков, кочевавших между Волгой и Доном. При этом поход корпуса Джебей и Субедея в данном контексте не упоминается [17: 44].

Таким образом, на настоящий момент взгляд на боевые действия монголов на западе в 1223 г. как на неудавшуюся попытку двойного удара по кыпчакам, которая должна была проходить под общим командованием Джучи, кажется вполне обоснованным. Важно отметить, что переход бродников на сторону Джебей и Субедея и их участие в битве на Калке в союзе с монголами кажутся необъяснимыми только в контексте взгляда на рейд как на разведку, основной целью которой было как можно быстрее прорваться в Монголию. Если же рассматривать их действия как попытку захвата западного Дешт-и-Кыпчака, то мотивы бродников становятся более понятными. Здесь мы не будем

углубляться в вопрос о том, почему этот амбициозный план так и не был претворён в жизнь. Это уведёт нас далеко от заявленной темы. К тому же наша точка зрения на данную проблему была подробно изложена в недавно опубликованной работе [31: 316–359]. Стоит лишь отметить, что, за исключением упомянутого выше грузинского «Хронографа», отсутствуют сообщения, отрицающие существование плана по продвижению на запад и захвату Дешт-и-Кыпчака в начале 1220-х гг. и определяющие цели корпуса как разведку либо как-то иначе. В то же время на существование плана подобного наступления, лидером которого должен был стать Джучи, прямо указывает Рашид ад-Дин [40: 71–72; 70: 352].

Для данного исследования важно реконструировать ту систему отношений, которую Джучи и руководство корпуса выстраивали с разными политическими и этническими группами, готовя и осуществляя завоевание Дешт-и-Кыпчака.

Есть основания полагать, что наступление обеспечивалось не только военной мощью армии Чингисхана, но и сложной системой союзов и политических альянсов с отдельными племенными группами, входящими во враждебные монголам политии.

Во-первых, можно заключить, что перед вторжением и в самом начале монголо-хорезмийской войны и Чингисхан, и Джучи прилагали усилия для заключения каких-то мирных соглашений с канглами, которые были родным племенем матери султана Мухаммада Теркен-хатун.

Согласно ан-Насави, после захвата Отрара Чингисхан направил к Теркен-хатун хаджиба Данишманда с посланием, в котором он обещал не вторгаться в её области и, более того, отдать ей Хорезм и Хорасан: «Мне известно, как непочтительно поступил твой сын в отношении твоих прав. Вот теперь, в согласии с некоторыми из его эмиров, я выступаю против него, но я не стану нападать на те из областей, которыми владеешь ты. Если ты принимаешь это, то пришли ко мне кого-нибудь, кто удостоверит тебе мое обязательство, а затем тебе будут отданы Хорезм, Хорасан и то, что соседствует с ними по ту сторону Джейхуна». Получив послание одновременно с известиями о бегстве султана и распаде его армии, она покинула Хорезм [58: 79].

Договорённости были достигнуты с Хан-Меликом (Амин-Меликом). По ан-Насави, он был наместником Герата и родственником Теркен-хатун. Рашид ад-Дин называет его наместником Мерва и лидером канглов. Хан-Мелик подчинился монголам. Его статус учитывали при продвижении Джебе и Субедей, и только Токучар разорил его владения, чем вынудил его перейти на сторону Джалал ад-Дина. Согласно

Рашид ад-Дину, Хан-Мелик убеждал султана Мухаммада сдаться и сам признавал себя подданным Чингиз-хана: «Я [в своё время] советовал султану Хорезмшаху [подчиниться тебе], он не внял [сему]. Злая судьба заставила его противиться тебе, пока он не испытал то, что испытал. Я, раб, перед этим послал к тебе, изъявил покорность и сказал, что я буду служить тебе от искреннего сердца и что я отстал от султана» [11: 288; 39: 220–221; 58: 105].

Но, наиболее ярким примером подобной политики монголов, основным проводником которой, судя по всему, был Джучи, являются события, предшествовавшие штурму Ургенча. Согласно ан-Насави, летом 1220 г. султан Мухаммад бежал на остров в Каспийском море. Оттуда он направил в Ургенч письмо, в котором призывал горожан покориться Чингисхану: «Поистине, в отношении жителей Хорезма у нас и у наших предков непреложные права и обязательства – нынешние и прежние, которые возлагают на нас долг советовать и сочувствовать им. Этот враг – враг одолевающий, и вы должны заключить мир, [избрав] самый добрый путь, и отвести зло наиболее подходящим способом» [58: 133]. Согласно Джувейни, султан Мухаммад умер на острове вскоре после захвата своего гарема, т. е. летом 1220 г. [11: 271–272]. Подробнее о времени его смерти см.: [31: 312–315]. После его кончины сыновья султана направились в Ургенч. Ан-Насави сообщает, что в городе находились семь тысяч воинов баяутов (племя Теркен-хатун, которое было частью более широкого объединения канглов-йемеков). Они возглавлялись Бучи-Пахлаваном. Вскоре баяуты составили заговор против старшего сына султана Джалал ад-Дина в пользу его младшего брата Узлаг-шаха. Мать последнего происходила из этого племени. Джалал ад-Дин бежал, а вскоре, узнав о приближении монголов, город покинули и Узлаг-шах с Ак-шахом, которых, казалось бы, баяуты поддерживали. В ходе бегства оба погибли [58: 97–98, 102–103]. О том, что после бегства Теркен-хатун Ургенч контролировался ее родней, в т. ч. и Бучи-Пахлаваном, сообщают Джувейни и Рашид ад-Дин. Более того, согласно этим источникам, они официально провозгласили правителя из своих рядов. По Джувейни, родственник Теркен-хатун Хумар-тегин «был единогласно выбран султаном и назначен наврузом», а согласно Рашид ад-Дину «на управление назначили эмира Хумара» [11: 84; 39: 215].

На основании этих сообщений можно сделать ряд выводов. Во-первых, именно к баяутам-канглам из окружения Теркен-хатун обращался летом 1220 г. султан Мухаммад, предлагая им подчиниться монголам. Во-вторых, он оставался на острове вплоть до своей смерти, хотя физическая возможность бежать в Ургенч у него, безусловно, была. В-третьих, в какой-то момент все сыновья Мухаммада,

а не только Джалал ад-Дин, потеряли поддержку баяутов-канглов, и именно с этим было связано бегство Узлаг-шаха и Ак-шаха из города. В-четвертых, дело было не в неприятии конкретных фигур, а в отказе от поддержки династии Ануштегинидов в принципе. Это подтверждается тем, что баяуты-канглы избрали собственного правителя [31: 294–296].

В конце 1219 – первой половине 1220 г. Джучи покорял города, расположенные в нижнем течении Сырдарьи. Ан-Насави даёт наиболее подробное описание событий, предшествовавших штурму Ургенча: после бегства сыновей султана из города монгольские отряды оставались где-то в его окрестностях. Затем к Ургенчу подошёл Байджу с войском. Следующим прибыл Угедей. Затем подошёл отряд, подчинённый лично Чингисхану, во главе с Бугурджи-нойоном. Затем прибыл Чагатай с нойонами Толан-Черби, Устуном и Каданом. Армия начала подготовку к штурму. Спустя какое-то время в Мавераннахр прибыл Джучи с войском. Оттуда он отправил к жителям Ургенча своих представителей с посланием, в котором он предлагал им капитуляцию без сопротивления. По его словам, «Чингиз-хан подарил [город] ему и что он воздержится от его разрушения и намерен сохранить [город] для себя». Именно поэтому сконцентрированные там войска не разоряли сельскую округу, как это происходило в других местах. Ан-Насави подчёркивает, что предложения Джучи полностью совпадали с той политической линией, на которой настаивал султан Мухаммад, обращаясь к баяутам-канглам, контролировавшим Ургенч. Судя по дальнейшему достаточно расплывчатому описанию автора, окружение Теркен-хатун было готово пойти на мир, но потеряло контроль над ситуацией: «Однако глупец одолел мнение благоразумного, сделанное предупреждение не помогло, и власть ускользнула из рук обладавших ею». После этого начался штурм, которым руководил Джучи. Поняв, что сопротивление бесполезно, осаждённые предложили мир. Переговоры вёл Ала ад-Дин ал-Хаййати, мухтасиб Хорезма. Этот факт подтверждает то, что баяуты-канглы во главе с Хумар-Тегином утратили лидерство, которое перешло к религиозной элите города. Однако Джучи уже не мог решить вопрос мирным путём: «Услышав это, проклятый воспылал гневом и воскликнул: “Что страшного они видели во мне? Ведь они сами губили моих воинов и затаили сражение! Это я видел их грозный облик! А вот теперь я покажу, [каков должен быть] страх передо мной!”». Ургенч был взят, а население подвергнуто репрессиям [58: 132–134].

Рашид ад-Дин объясняет семимесячную задержку во взятии города и большие потери среди монголов конфликтом, вспыхнувшим между Джучи и Чагатаем в процессе осады [39: 217–219; 40: 78–79, 94–95;

70: 253–256, 359, 374]. Однако подробнейшее описание хронологии событий у ан-Насави делает такое объяснение невозможным. Джучи вёл переговоры с баяутами-канглами из Мавераннахра и двинулся на штурм Ургенча только после их провала, когда родня Теркен-хатун утратила контроль над городом. Сам он обвинял в сложившихся проблемах именно жителей: «...они сами губили моих воинов и затаили сражение». Вероятно, полугодовая задержка в боевых действиях, а также многочисленные жертвы были связаны с переговорами, которые вёл Джучи с элитой города. В таком случае конфликт с Чагатаем произошёл, когда стало очевидно, что миротворческая политика Джучи привела лишь к издержкам и не принесла положительного результата [31: 396–306].

Итак, зимой 1220–1221 гг., когда началась активная фаза штурма Ургенча, мирное включение канглов в состав империи перестало быть актуальным. Но наличие подобных политических планов у Чингисхана и попыток их реализовать через своего старшего сына кажется очевидным.

В этом плане интересно опоминавшееся выше сообщение Джузджани о конфликте Джучи с отцом, который возник после того, как он вместе с Чагатаем был отправлен на завоевание Дешт-и-Кыпчака. Новые владения произвели на Джучи сильное впечатление: «Чингиз-хан сошёл с ума, что губит столько народа и разрушает столько царств. Мне кажется наиболее целесообразным умертвить отца на охоте, сблизиться с султаном Мухаммадом, привести это государство в цветущее состояние и оказать помощь мусульманам» [73: 1101, 1283]. Обычно упоминание султана Мухаммада в данном контексте воспринимается как анахронизм, так как он к тому времени был уже мёртв [20: 75]. Такой вариант, конечно, возможен, но не обязателен. Дело в том, что сообщение Джузджани вполне адекватно отражает ту политику, которую пытался проводить Джучи в отношении покорённых регионов. Важно учитывать, что автор источника на протяжении длительного времени контактировал с послами сына Джучи Берке во время их совместного пребывания в Гвалиоре [29: 23–24; 73: 1283–1286]. Как уже указывалось выше, в середине 1220 г. имела место ситуация, при которой Джучи и султан Мухаммад вели переговоры о подчинении монголам с баяутами-канглами, контролировавшими Ургенч. Сложно сказать, были ли их призывы скоординированы между собой. Но, вероятно, именно этот факт лёг в основу сообщения Джузджани. Автор просто не вполне понял, что до него дошли не реальные слова Джучи, а общая суть тех обвинений, которые выдвигали его противники во главе с Чагатаем [31: 304–305; 33: 237].

То, что политика Джучи, направленная на относительно мирное

включение в состав империи при помощи дипломатии отдельных этнических и территориальных групп, не ограничивалась канглами, подтверждает характер его действия при покорении нижней Сырдарьи и присутствие в его армии туркменов.

Джувеини прямо указывает на специфику политики Джучи в отношении городов в нижнем течении Сырдарьи: «...когда Чингисхан завершил завоевание Самарканда, были покорены все страны Трансоксании, и его враги раздавлены мельничными жерновами несчастий, но с другой стороны уцелели области Дженда и Барджлык-Кента; так что Хорезм остался посредине» [11: 83–84].

Согласно Джувеини, после взятия Янгикента Джучи направился в Каракум, где его армия должна была отдохнуть. В другом месте своего труда он говорит о том, что Каракум был «местом обитания канглов». Затем «отряду туркменских кочевников численностью около десяти человек во главе с Тайнал-нойоном было приказано двигаться к Хорезму. Через несколько дней пути их несчастливая звезда стала вынуждать и подстрекать их убить монгола, которого Тайнал поставил над ним и вместо себя, и поднять мятеж» [11: 59–60, 260]. Рашид ад-Дин описывает близкую ситуацию. После взятия Янгикента Джучи «двинулся в поход на Каракорум [что в Дешт-и-Кипчаке]. Из кочевников-туркмен, которые находились в тех пределах, было назначено десяти тысячам человек отправиться к хорезмийскому войску. Во главе их был Баниал-нойон. Когда они прошли несколько остановок [манзил], злосчастие их судьбы побудило их убить одного монгола, которого Баниал имел во главе их своим заместителем, и восстать» [39: 199–201; 70: 242–243].

Местность Каракум можно достаточно уверенно локализовать в северном или северном Приаралье [3: 226–227; 4: 436; 31: 242–249]. Во-первых, намерение Джучи отправится с армией на отдых в «место обитания канглов», при отсутствии упоминаний о каких-то столкновениях с ними, ещё раз подтверждает то, что отношения между этой племенной группой и монголами в 1220 г. были далеко не так однозначны. Во-вторых, обитавшие в том же регионе туркмены были включены в состав армии Джучи не в качестве хашара – войска, состоящего из пленных и используемого в основном в качестве «живого щита» для взятия укреплений. Здесь явно речь шла о включении туркменского тумена в монгольскую армию с охранением его внутренней структуры управления. Собственно, это и позволило им устроить мятеж, убив приставленного к ним офицера.

Итак, анализ событий, предшествовавших наступлению Джучи в Дешт-и-Кыпчак, позволяет сделать вывод о том, что он являлся сторонником вполне определённой политической линии, направленной

на, по возможности, мирное включение в состав империи различных кочевых и территориальных коллективов при помощи дипломатии. Судя по всему, до какого-то момента Чингисхан поддерживал своего старшего сына в этом стремлении. При этом конфликт с Чагатаем при штурме Ургенча и обвинения в адрес Джучи, зафиксированные Джузджани, говорят о том, что такая политика встречала серьёзное сопротивление в среде монгольской элиты. Такая ситуация не была уникальной. К примеру, уже в начале 1230-х гг. XIII в. в ставке каана Угедея Елюй Чуцай вынужден был убеждать его и монгольских нойонов отказаться от идеи уничтожения всего населения Северного Китая с целью увеличения площади пастбищ [21: 73–74].

Есть основания полагать, что подчинённые Джучи Джебе и Субедей проводили ту же политику. Для того чтобы пояснить эту мысль, необходимо рассмотреть хронологию действий корпуса.

Согласно Джувейни, они были отправлены в погоню за султаном Мухаммадом во время осады Самарканда, т. е. весной 1220 г. Зиму (1220–1221 гг.) они провели в Мугане, весной продолжили завоевание Ирака, затем вернулись в Азербайджан, двинулись на север и через Дербент ушли в Дешт-и-Кыпчак [11: 96–99]. Хотя этот этап похода Джувейни описывает достаточно кратко, ясно, что корпус прошёл через Кавказ осенью 1221 или зимой 1221–1222 гг.

По Ибн ал-Асиру в мухарраме 617 г.х. (8 марта – 6 апреля 1220 г.) был захвачен Самарканд. Сразу после этого Джебе и Субедей были отправлены в погоню за хорезмшахом. Зиму 1220–1221 г. они провели в Азербайджане и Грузии (грузинское войско было разбито в январе 1221 г.). В марте–апреле 1221 г. они еще находились в Азербайджане, затем направились в Ирак. В раджаве 618 г.х. (21 августа – 19 сентября 1221 г.) был захвачен Хамадан. Оттуда они направились в Азербайджан. В рамадане 618 г.х. (19 октября – 17 ноября 1221 г.) произошел штурм Байлакана. Затем они разбили грузинское войско и, пройдя Ширван и владения лезгинов, столкнулись с алано-кыпчакской коалицией [14: 34–47]. Из текста следует, что корпус пересёк Кавказ зимой 1221–1222 гг.

Согласно Рашид ад-Дину, Джебе и Субедей были отправлены в погоню за султаном во время осады Самарканда, т. е. весной 1220 г. (автор ошибочно датирует эти события 1221 г.). Они получили приказ продолжить поход «когда султан Джелал-ад-дин бежал из Нишапура» и после смерти Мухаммада (т. е. летом 1220 г.). Зиму (1220–1221 гг.) корпус провёл в Азербайджане. Затем Джебе и Субедей ушли в Ирак. В раджаве 618 г.х. (21 августа – 19 сентября 1221 г.) они захватили Хамадан. Вернулись в Азербайджан, перешли Дербент и зиму 1221–1222 гг. провели уже в Дешт-и-Кыпчак [39: 217, 226–229; 70:

249, 258–260]. Здесь текст Рашид ад-Дина явно опирается на Ибн ал-Асира. Описание менее подробно, зато присутствуют дополнительные ценные детали, такие как указания на зимовки. В целом текст также подтверждает датировку перехода корпуса через Кавказ осенью 1221 или зимой 1221–1222 гг.

Вот как дальнейшие события описывает Ибн ал-Асир: «...они прибыли к Алланам... Они [Алланы] употребили все своё старание, собрали у себя толпу Кипчаков и сразились с ними [Татарами]. Ни одна из обеих сторон не одержала верха над другою. Тогда Татары послали к Кипчакам сказать: “Мы и вы одного рода, а эти Алланы не из ваших, так что вам нечего помогать им; вера ваша не похожа на их веру, и мы обещаем вам, что не нападём на вас, а принесём вам денег и одежд сколько хотите; оставьте нас с ними”. Уладилось дело между ними на деньгах, которые они принесут, на одеждах и прочем; они [Татары] действительно принесли им то, что было выговорено, и Кипчаки оставили их [Аллан]. Тогда Татары напали на Аллан, произвели между ними избиение, бесчинствовали, грабили, забрали пленных и пошли на Кипчаков, которые спокойно разошлись на основании мира, заключённого между ними, и узнали о них только тогда, когда те нагрянули на них и вторгнулись в землю их. Тут стали они [Татары] нападать на них раз за разом и отобрали у них вдвое против того, что [сами] им принесли. Услышав эту весть, жившие вдали Кипчаки бежали без всякого боя и удалились; одни укрылись в болотах, другие в горах, а иные ушли в страну Русских. Татары остановились в Кипчаке... Прибыли они к городу Судак» [14: 46; 71: 222].

Согласно Рашид ад-Дину: «Когда [монголы] дошли до области Алан, где население было многочисленно, то оно совместно с кипчаками сразилось с монгольским войском, и ни одна сторона не одержала верха. Тогда монголы сообщили кипчакам [следующее]: «Мы и вы – одного племени и происходим из одного рода, а аланы нам чужие. Мы с вами заключим договор, что не причиним друг другу вреда, мы дадим вам из золота и одежд то, что вы пожелаете, вы же оставьте нам [аланов]». [Одновременно] они послали кипчакам много [всякого] добра. Кипчаки повернули назад. Монголы одержали победу над аланами и то, что было предопределено судьбою в отношении избиения и грабежа, они то и осуществили. Кипчаки же, полагаясь на заключённый мир, без опасения разбрелись по своим областям. Монголы внезапно напали на них, перебили всех, кого нашли, и взяли назад столько же, сколько отдали [раньше]. Уцелевшая часть кипчаков бежала в страну русов. Монголы зазимовали в той области, которая вся представляла сплошные луга и поросли [маргзар]. Оттуда они напали на город Судак» [39: 229; 70: 260].

Данный сюжет обычно рассматривается как описание непрерывной цепочки событий, в которой мир, заключённый между Джебе и Субедеем с одной стороны и кыпчаками с другой, являлся тактическим приёмом и прекратил существование сразу после разгрома алан. Такая интерпретация этих сообщений является единственно возможной, если брать за основу взгляд на действия корпуса как на разведывательный рейд, основной целью которого был прорыв в Монголию. Но важно учитывать, что это именно интерпретация. Источники прямо не указывают на то, что мир был недолог, и нападение на кыпчаков произошло сразу же после разгрома алан. Это тем более важно потому, что другие источники дают основания усомниться в такой трактовке этих событий. Вторжение монголов в подконтрольный кыпчакам Крым, согласно приписке Судакского Синаксаря, произошло 27 января 1223 г. [2: 601]. В Первой Новгородской и Ипатьевской летописях бегство кыпчаков на Русь, переговоры с князьями и сбор войск описываются как непрерывный процесс, относящийся к весне 1223 г. Первое монгольское посольство с предложением мира и антикыпчакского союза, требовавшее выдать беглецов, также прибыло на Русь весной [22: 264–265; 27: 506–508]. То есть две доступные датировки монголо-кыпчакского столкновения позволяют отнести его к зиме 1222–1223 гг. Это в свою очередь позволяет заключить, что нет оснований говорить о войне между корпусом и кыпчаками, длившейся весь 1222 г. Всё это время действовал мирный договор, заключённый после первого неудачного для монголов столкновения с алано-кыпчакской коалицией. Эта версия подтверждается ещё и тем, что ни в одном источнике, описывающем первое столкновение корпуса и западных кыпчаков (Ибн ал-Асир, Рашид ад-Дин, Новгородская первая и Ипатьевская летописи), ничего не говорится о продолжительной степной войне. Везде речь идёт о внезапном нападении монголов, за которым последовали полный разгром и бегство кыпчаков.

Примечательно, что в «Юань ши» сообщение о столкновении монголов с кыпчаками до битвы на Калке содержится только в биографии Субедея [55: 228; 69: 57]. Биографии Джебе в «Юань ши» нет, зато сохранилась биография его подчинённого Исмаила, который, судя по её содержанию, специализировался на сложных дипломатических миссиях. В ней это столкновение вообще не упомянуто, хотя и сообщается о том, что корпус был направлен именно «в карательный поход против кыпчаков». Однако после разгрома алан и до столкновения с русскими на Калке говорится о том, что «[Исмаил] склонил к сдаче город Хэйлинь». Этот топоним буквально переводится как «Чёрный лес» [55: 223].

Такой топоним во владениях кыпчаков известен благодаря Ипатьевской летописи, где под 1170 г. описывается поход русских князей в степь: «кнѣзи же оувѣдавше . вже Половци побѣгли . и лишившеса жень своихъ . и возъ своихъ . и поѣхаша вборзѣ по ниѣ а Ерослава Всеволодича вставиша за собою оу возъ . и взяша вежѣ ихъ на Оуглѣ рѣцѣ а другыѣ . по Снопороду . а самѣхъ постигоша в Черного лѣса . и ту притиснувшѣ к лѣсу избиша ѣ . а ины руками изоимаша Бастии же . и инии . мнози гониша по ниѣ и за Вѣсколь бѣуче» [27: 370]. Хотя город в контексте Черного леса в летописи не упомянут, за прошедшие пятьдесят три года он вполне мог возникнуть. Так или иначе, но совпадение топонимов, локализуемых в одном регионе, вполне показательно. Не менее примечательно и то, что лидером кыпчаков, связанных с Черным лесом, был некий Басты. Басты упоминается Ипатьевской летописью в 1223 г. как «великыи кнѣзь Половецкыи», принявший крещение после бегства на Русь от монголов [27: 507]. При этом тесть Мстислава Галицкого Котян и другие кыпчакские лидеры великими князьями не именуются. Из этого можно сделать вывод, что Басты был формальным лидером западных кыпчаков. Учитывая большой временной разрыв, сложно с уверенностью сказать, был ли это один и тот же человек. Полностью исключить вероятность этого нельзя. Возможно также, что в 1223 г. принял крещение потомок или родственник человека, бежавшего от Черного леса в 1170 г. В любом случае совпадение топонимов и имён кыпчакских лидеров позволяет предположить, что в биографии Исмаила речь идёт о мире с кыпчаками, который он заключил, находясь в подчинении у Джебее, и который впоследствии был нарушен Субедеем.

О причинах произошедшего политического разворота на настоящий момент остаётся лишь догадываться. Но можно констатировать, что он произошёл. Стоит отметить, что нарушение Субедеем мира с западными кыпчаками, который существовал на протяжении 1222 г., полностью совпадает со временем призыва Джучи Чингисханом на курултай. Согласно Джувейни, соединившись в Баглане со своим обозом, Чингисхан провёл там лето (1222 г.), а осенью пересёк Амударью и провёл зиму (1222–1223 гг.) в окрестностях Самарканда. Оттуда он отправил «гонца к старшему своему сыну Туши с приглашением покинуть Кифчакскую степь и приехать позабавиться с ним охотой». Весной (1223 г.) монгольская армия двинулась в путь. Чагатай и Угедей присоединились к нему у реки Фанакет, где был организован курултай. Оттуда они двинулись в путь и достигли Кулан-баши. Там «их нагнал Туши, прибывший с другой стороны и также присоединившийся к отцу. В числе привезённых им даров была тысяча серых лошадей. По приказу отца он пригнал из Кипчакской степи стада диких ослов, по-

добно множеству овец. Рассказывали, что в пути копыта диких ослов истёрлись, и их подковали лошадиными подковами». Дойдя до города Утука, они организовали охоту на пригнанных Джучи животных. Лето (1223 г.) они провели в Кулан-баши, где были казнены доставленные туда уйгурские вельможи. Вероятно, армия двинулась на восток осенью (1223 г.), так как, согласно тексту, весной (1224 г.) Чингисхан уже вернулся в Монголию [11: 95]. Важно учитывать, что верна именно хронология Джувеини, а не вторичные в данном случае датировки Рашид ад-Дина. К. Этвуд справедливо отметил, что хронология событий войны с Хорезмом у Рашид ад-Дина ошибочна потому, что автор пытался совместить доступные ему персидские источники и «Истинную летопись Чингисхана». При этом он опирался на её сведения даже в случае их явной ошибочности [62: 62–63]. Действительно, большинство датировок, касающихся монголо-хорезмийской войны, в его труде сдвинуты на один год. В этом легко убедиться, рассмотрев следующие примеры: падение Самарканда и отправку Джебе и Субедея в погоню за хорезмшахом Мухаммадом автор датирует весной 1221 г., хотя в действительности эти события произошли весной 1220 г., а битва на Инде датирована осенью 1222 г., хотя, согласно Джувеини и ан-Насави, она произошла осенью 1221 г.

Следовательно, и послание Чингисхана к Джучи, обязывающее последнего прибыть к отцу, и внезапное нападение корпуса на заключивших с монголами мир кыпчаков произошли одновременно – зимой 1222–1223 гг. Поэтому невозможно принять реконструкцию А.В. Майорова, с точки зрения которого, Джучи был отозван Чингисханом на курултай с целью поторопить его с покорением западных территорий, а в это время началась война корпуса с западными кыпчаками. Джучи мог успеть на помощь, но по каким-то причинам не стал делать этого. Джебе и Субедей рассчитывали на него, отступая на восток, и хотели соединиться с его армией. После победы на Калке руководство корпуса попыталось закрепиться на Днепре и обеспечить быструю переправу армии Джучи, захватив Новгород Святополч. Но поняв, что помощь не придёт, Джебе и Субедей двинулись на восток [67: 411–438]. Какими бы мотивами не руководствовался Чингисхан, отзывая Джучи на восток зимой 1222–1223 гг., последний никак не мог помочь корпусу в боевых действиях против русско-кыпчакской коалиции.

Сложно с уверенностью сказать, почему произошло столь резкое изменение в военных планах монголов. Необходимо учитывать, что основным препятствием для продвижения монголов на запад был военный альянс восточных кыпчаков ольберли и меркитов Куду. Кыпчаки ольберли кочевали между Яиком и Волгой и являлись мощной

военной силой. В биографии Тутука в Юань ши – главнокомандующего кыпчакской гвардии юаньских императоров, умершего в 1297 г., сообщается, что кыпчаки, предки Тутука, откочевали на северо-запад, к горам Юйли-боли [ольберли]. Когда кыпчаками правил предок Тутука Инасы, к ним пришли бежавшие от монголов меркиты во главе с Куду. Чингисхан потребовал выдать его врагов, но Инасы отказался, после чего монголы совершили против него карательный поход. В это время «Инасы был уже очень стар, а внутри государства – большая смута». Эта кыпчакская полития была покорена монголами в правление сына Инасы Хурусмана, во время западного похода в середине 30-х гг. XIII в. [56: 45–47]. Источником «Жизнеописания Тутука» в Юань ши является эпитафия Тутука, написанная юаньским историком и литератором Янь Фу около 1299 г. В ней сохранилась очень чёткая, в отличие от «Жизнеописания», географическая локализация владений Инасы, которые омываются: «...двумя реками, левая [из них] называется Я-и, а правая называется Е-дэ-ли... [это] просторные равнины речных долин, травы и деревья изобильные и густые» [57: 519–520]. Очевидно, что речь идёт о междуречье Яика и Итиля, т. е. Волги. В биографии Субедея в Юань ши говорится о том, в 1219 г. (в реальности в 1218 г.) он с большим войском дошёл до реки Чэм и в битве разгромил меркитов, захватив двух их полководцев. Их глава Куду бежал к кыпчакам. Субедей, преследуя его, сразился с кыпчаками в местности Уюр и разбил их. В тексте Вань Юня, который был записан в самом XIV в. и послужил источником для биографии в Юань ши, речь идет о битве с кыпчаками в местности «Yuuu». Существует точка зрения, согласно которой Yuuu 玉峪 может быть реконструировано как тюркское «Üyük», т. е. «холм», или обозначать иную географическую особенность участка [61: 43; 69: 54]. Важно учитывать, что источник говорит именно о бегстве Куду к кыпчакам, после битвы на реке Чэм [вероятно, Джэм, т. е. Эмба], и о последующем походе Субедея в их владения. Поэтому недавно высказанное К. Ускенбаем мнение о том, что кыпчаки Инасы вместе с меркитами участвовали в битве на реке Чэм, не имеет под собой оснований [50: 28]. Судя по всему, союз с западными кыпчаками был нужен Джучи для двойного удара по восточным кыпчакам и меркитам.

То, что к востоку от Волги в начале 20-х гг. XIII в. сложилась мощная антимонольская коалиция, в которую входили кыпчаки ольберли и враждебные Чингисхану коллективы во главе с меркитами Куду, подтверждается двумя сообщениями источников. В биографии Исмаила сообщается: «Чжэбэ приказал Исмаилу представить его перед царевичем-наследником Джучи и [потом] его казнили. Продолжая поход на канглов, дошли до города Бо-цзы-ба-ли, сразились с их главой

ханом Хотосы. Кроме того, что разбили его войско, продвинулись к кыпчакам и также утомили их. По возвращении войска Чжэбэ умер» или «Чжэбе приказал Хэсымайли подарить его Чжучи тайцзи. Казнили его [Мстислава]. Вскоре выступили в поход против кангли [канли]. Дошли до города Бешбалык [Боцзыбали] и сразились с его правителем Хотосыгань. Снова разбили его армию. Двигаясь вперёд, дошли до кипчаков и тоже утомили их. Армия вернулась. Чжэбе скончался» [19: 35; 55: 222].

Традиционно этот сюжет понимается как описание продолжения продвижения корпуса с запада на восток. Однако такая его интерпретация вряд ли может быть принята. Во-первых, жанр китайских биографий не предполагал подробного описания событийных линий, напрямую не связанных с действиями героя. Проще говоря, в биографии Исмаила должны были описываться его передвижения и заслуги, а не самостоятельные действия корпуса. В этом легко убедиться, рассмотрев весь её текст, где ни до ни после этого сюжета нет таких отвлечённых от личности героя пассажей. Везде описание сосредоточено именно на передвижениях Исмаила. Но о его возвращении к Джебе и Субедею, после доставки пленного Мстислава к Джучи, биография ничего не сообщает.

Во-вторых, возникает очевидное географическое противоречие. Субъект, двинувшийся в поход после казни Мстислава по приказу Джучи, сначала столкнулся с канглами и вторично разбил хана Хотосы, а затем продвинулся к кыпчакам. Хорошо известно, что владения канглов располагались восточнее владений кыпчаков. Карпини, двигаясь с запада на восток, проехал владения команов [кыпчаков], кангитов [канглов] и биссерменов [держава хорезмшаха]. Его спутник Бенедикт Поляк более конкретно указывает на то, что земля кангитов начинается к востоку от Яика [37: 72; 63: 81]. Сообщения ан-Насави и Джувейни, в свою очередь, позволяют локализовать восточную границу владений канглов в конце второго – начале третьего десятилетия XIII в. где-то в северном Приаралье [11: 260; 31: 242–249; 58: 49]. В целом можно с уверенностью утверждать, что путь, начинающийся со столкновения с канглами, а затем с кыпчаками, описанный в биографии Исмаила, – это путь с востока на запад.

Примечательно, что П. Пелльо переводил этот сюжет именно как описание передвижения героя биографии: Исмаил прибывает в «[обнесённый стеной] город» [tch'eng] По-цеу-па-ли; правитель [tchou] Кангли, Хоу-то-ссеу-хан [Qotos-han = Кутуз-хан] побеждён, и Хо-ссеу-маи-ли продвигается к Кыпчаку». Исследователь уверенно соотносил китаизированную форму Houo-t'o-sseu-han с тюркским Qotos-han = Qutuz-han. Он также заключил, что Po-tseu-pa-li – это

название города, где *pa-li* соответствует тюркскому балык [город] [68: 105]. Идентификация топонима «Боцзыбали» затруднительна. Е.И. Кычанов соотносил его с Бешбалыком [19: 35]. При абсолютно адекватном переводе самого топонима такое соотношение нельзя принять, так как оно обесмысливает текст. Во время описываемых событий в районе Бешбалыка должен был находиться Чингисхан со своей армией, недавно покинувшей Кулан-баши. В свою очередь Р.П. Храпачевский соотнес Боцзыбали с Булгаром. По мнению автора, бо-цзы передаёт «бо[л]-гу[р]». Однако этот вариант вызывает вопросы. Во-первых, автор в своём переводе китайских источников дважды приводит вполне адекватную передачу этнонима «булгар» в «Юань ши» как бу-ли-а-эр или бо-ле-эр [55: 209, 224, 241]. Во-вторых, совершенно необъяснимой остаётся связь канглов и хана Кутуза, вторично столкнувшегося с монголами, с Волжской Булгарией. Такое предположение в значительной степени обесмысливает текст.

Иероглиф 子 «tseu» в том числе используется в титуле «t'ai-tseu» – «принц, наследный принц». П. Пелльо отметил, что у Рашид ад-Дина этот титул обычно передаётся как «тай-ши». Так же он предположил, что именно с этим термином связано возникновение племенного названия «тайджиуты» [68: 149–151, 184]. Поэтому нет необходимости притягивать топоним «Боцзыбали» к Волжской Булгарии. Такая привязка актуальна только при взгляде на этот сюжет, как на продвижение корпуса с запада на восток, а не движение Джучи и Исмаила с востока на запад. Вероятно, речь в биографии идёт о неизвестном городе, именуемом в тексте Боши или Боджи-балык, расположенном где-то между Иргизом и Яиком. Идентификация хана Кутуза или Кудуза [Qutuz-han] в таком случае также становится вполне посильной. Очевидно, речь идёт о главе меркитов Куду, который, согласно биографиям Субедея и Тутука, после битвы на реке Чэм (вероятно, Жем, т. е. Эмба), бежал к кыпчакам Инасы, восточной границе которых являлся Яик.

Вторым аргументом в пользу того, что в этом регионе присутствовали племена, в своё время вытесненные Чингисханом из Монголии, является следующее сообщение из биографии Субедея, описывающее его действия сразу после возвращения из Дешт-и-Кыпчака в 1224 г.: «...еще [Субэдэй] подал доклад [каану], чтобы “тысячи” из меркитов, найманов, кирей, канглов-кангар и кипчаков – всех этих обоков, вместе составили одну армию. [Чингисхан] последовал ему» или «Merkit, Naiman, Kereyit, Qangli, and Kipchak» [55: 228; 69: 58].

В этом сообщении примечательны два момента. Во-первых, данный список народов можно разделить на две группы. К первой относятся меркиты, найманы, кераиты – старые конкуренты Чингисхана в борьбе

за гегемонию в монгольских степях, вытесненные на запад за Иртыш в первом десятилетии XIII в. Ко второй относятся канглы и кыпчаки – кочевые группы, с которыми монголы столкнулись в ходе наступления на запад. Они названы последними. Указание на покорённых меркитов, которые должны быть включены в монгольскую армию, означает, что группа, подчинённая Куду, или какая-то её значительная часть в 1223–1224 г. была разбита и подчинена монголам. Как уже отмечалось выше, меркиты Куду были разбиты на Чэме в 1218 г. в земле канглов. Это указание подтверждает нашу гипотезу о том, что под вторично разбитым ханом Кудузом надо понимать Куду, поддержанного как восточными кыпчаками, так и канглами. Вероятно, вместе с ними на запад бежали остатки найманов и кераитов. В противном случае невозможно объяснить их присутствие в списке покорённых народов, который Субедей передал Чингисхану по завершении рейда. Во-вторых, в биографии Субедея ничего не сообщается о том, что они были покорены именно им. Возникает вполне естественный вопрос, почему в биографии известного полководца ни слова не сказано об этом безусловно значимом военном достижении? Вероятно, это связано с тем, что, согласно биографии Исмаила, разгром канглов, меркитов Куду и восточных кыпчаков осуществлял Джучи с востока.

Судя по всему, Джучи находился в Кулан-баши, когда Джебе направил к нему Исмаила вместе с пленным русским князем Мстиславом (вероятно, Мстиславом Киевским). Битва на Калке состоялась в конце мая 1223 г. Согласно Ибн ал-Асиру, корпус попытался прорваться на восток через Волжскую Булгарию в конце 620 г.х., т. е. в декабре 1223 – январе 1224 г., однако потерпел поражение и был разгромлен. После этого его остатки в количестве 4 000 человек пересекли Волгу в её нижнем течении в районе Саксина [14: 48; 71: 224]. Следовательно, корпус находился в междуречье Дона и Волги, куда он ушёл после битвы (Ибн ал-Асир подчёркивает, что торговые пути были перекрыты до ухода монголов на восток) все лето и осень 1223 г. и только зимой совершил неудачную попытку прорыва. Но летом 1223 г. Джучи находился в Кулан-баши (куда он отправился в конце зимы – начале весны того же года). Следовательно, Джебе приказал Исмаилу доставить Мстислава именно туда.

Д. Бойл полагал, что под Кулан-баши надо понимать местность между реками Арыс и Талас, по пути из Чимкента в Тараз, известной своим холодным климатом [11: 571]. Эту локализацию недавно поддержал К. Ускенбай [50: 28]. Однако её соотнесение с текстом Джувеини вызывает определённые сложности. Во-первых, неясна идентификация города Утука [AWTQWA], который, согласно источнику, располагался в Кулан-баши [11: 95, 571]. Древняя топонимика этого региона в целом

хорошо освещена источниками, и населенного пункта с таким или похожим названием там не фиксируется. Во-вторых, дополнительные сомнения вызывает факт доставки в Кулан-баши уйгурских вельмож для суда над ними. Возможно, речь идёт об известном по китайским источникам городе Гутаба [Хутукбай], расположенном к западу от Бешбалыка и Чамбалыка, на дороге из Урумчи в Кульджу, между Урумчи и Манасом [6: 96].

В целом эта локализация подтверждается и содержанием текста Рашид ад-Дина. Стоит правда учитывать, что все его датировки сбиты на год из-за попытки совместить реальную хронологию событий с ошибочными датировками «Истинной летописи Чингиз-хана». Поэтому общеимперский курултай, который он датирует летом – осенью 1224 г., в реальности произошёл летом – осенью 1223 г. Согласно автору, когда Чингисхан «дошел до пределов своих орд» его встретили сыновья Толуя – одиннадцатилетний Хубилай и девятилетний Хулагу; указывается место встречи: «на границе земли найманов близ Имиль-Коджина, на другом берегу реки Или, вблизи земли уйгуров»; затем в местности Бука-Суджикю (упоминание о ней отсутствует в переводе В.М. Текстона) Чингисхан «повелел разбить большую золотую орду, устроить [многочисленное] собрание и сделать великое пиршество»; был осуждён за два проступка, но затем прощён Темуге-Отчигин, причём одну из провинностей он совершил во время облавной охоты, проводившейся там же в то же время; весной года Курицы, соответствующего 622 г.х. (1225 г.) «Чингисхан расположился в своих ордах» [39: 229–230; 70: 260–261].

Источник даёт предельно чёткую географическую локализацию событий. Эта местность располагалась к востоку от реки Или, на границе «земли найманов» (которой, как известно, являлся Иртыш), недалеко от земли уйгуров, рядом с «Имиль-Коджин». В последнем топониме легко узнаётся река Эмиль (либо одноименный город, находящийся рядом с ней) и находящаяся недалеко от неё местность Хочжи или Хучжир. Она упоминается в биографиях Субедея и Елюя Силяна, причём, либо, как объект, располагающийся недалеко от Эмиля, либо в связке с ним [6: 37, 74, 236; 69: 58]. В целом эта локализация полностью совпадает с теми характеристиками, которые даёт текст Джувейни для Кулан-баши (близость земли уйгуров, город Гутаба или Хутукбай). Судя по всему, Чингисхан добрался до своего лагеря, который оставался в этом регионе с лета-осени 1219 г., когда монгольская армия ушла от Иртыша к Отрару.

Автор явно описывает курултай – собрание знати, созванное по воле правителя, сопровождаемое установкой золотой юрты и пирами. О статусе этого мероприятия говорит факт участия в нём прибывшего

из Монголии Темуге-Отчигина. Согласно «Тайной истории монголов», отправляясь в поход против хорезмшаха, Чингисхан отставил своего младшего брата управлять Великим Аурухом (главной ордой в Монголии) [16: 187; 64: 189, 940]. Именно там, недалеко от реки Керулен, в апреле 1221 г. Темуге-Отчигина посетил Чан Чунь, направлявшийся на встречу с Чингисханом [6: 16]. При этом сообщается об организации Чингисханом облавной охоты в это время.

Можно заключить, что в текстах Джувейни и Рашид ад-Дина речь идёт об одном и том же событии – курултае, состоявшемся недалеко от Иртыша в 1223 г., на котором обязаны были присутствовать все члены «золотого рода», в том числе Джучи, его братья и Темуге-Отчигин, прибывший из Монголии. Рашид ад-Дин не упоминает о прибытии Джучи, однако в его описании в принципе нет указаний на личности участников, исключая провинившегося брата Чингисхана и двух его малолетних внуков, заслуживших одобрение.

Согласно Джувейни, Джучи из Кулан-баши вернулся в Дешт-и-Кыпчак, где и умер [11: 183]. О поездке Джучи в Кулан-баши и о возвращении оттуда в Дешт-и-Кыпчак после завершения курултая говорит и Хондемир, который, судя по всему, опирался на какое-то более полное описание этого события [66: 26]. Именно об этом возвращении как о походе на канглов, столкновении с Куду и разгроме кыпчаков, говорится в биографии Исмаила. Косвенно на него указывает и уже приводившееся сообщение Джузджани о совместном продвижении Джучи и Чагатая в Дешт-и-Кыпчак и покорении местных кочевых племён. Очевидно, что речь не могла идти о походе, в который отправился Джучи сразу после падения Ургенча. Передвижения Чагатая в период с 1221 по 1223 г. хорошо известны. Все это время он вместе с отцом и братьями участвовал в покорении Хорасана, а затем присутствовал на курултаях на Фанакете (весна 1223 г.) и на Эмиле (лето–осень 1223 г.). Следовательно, вместе с Джучи он мог быть направлен в Дешт-и-Кыпчак только в конце лета – осенью 1223 г., после того как завершилось собрание на Иртыше.

Сообщения этих источников вполне соотносятся с описанием действий корпуса после битвы на Калке у Ибн ал-Асира. Ключевой проблемой его рассказа является неясность мотивов руководства корпуса. Как уже отмечалось выше, после битвы на Калке войско Джебе и Субедея полгода пребывало где-то в междуречье Дона и Волги, при этом перекрыв торговые пути. Только зимой 1223–1224 гг. корпус попытался прорваться через Волжскую Булгарию, но был разгромлен и затем перешёл Волгу в районе Саксина. Причиной этой задержки, вероятно, были большие потери в битве на Калке. Сил корпуса не хватало для того, чтобы пробиться через территорию

Волжской Булгарии и восточных кыпчаков и их союзников канглов, найманов и кераитов, видимо, консолидировавшихся вокруг меркитов Куду. Попытка объяснить эту задержку ожиданием установления на Волге ледяного покрова не может быть принята. Во-первых, Дон монголы пересекли явно летом, не встретив никакого сопротивления. Во-вторых, Ибн ал-Асир датирует концом 620 г.х., т.е. декабрём 1223 – январём 1224 г. именно закончившуюся провалом попытку прорыва через территорию Волжской Булгарии. Сейчас Волга замерзает в верхнем и среднем течении в конце ноября, в нижнем – в начале декабря. Как обстояло дело в XIII в. – сказать сложно, однако если бы проблема ограничивалась исключительно наличием или отсутствием ледяного покрова, корпусу ничего не стоило бы подождать полмесяца и перейти Волгу рядом с Саксином, где вскоре после разгрома её перешли 4 000 выживших. При этом, судя по всему, они не столкнулись с каким-либо сопротивлением. На решения Джебе и Субедея явно влияли другие факторы: боеспособность антимонгольской коалиции и подход армии Джучи с востока.

Стоит отметить, что существует иная трактовка этого сообщения Ибн ал-Асира. Её сторонники указывают на то, что из текста источника не вполне понятно, к чему относится указание на 4 000 человек: к остаткам корпуса, перешедшим Волгу в районе Саксина или же к отряду, попавшему в болгарскую засаду [44: 288–289; 52: 98]. Однако эта неясность присутствует только в русском переводе В.Г. Тизенгаузена. В переводе Д. Ричардса, который на настоящий момент считается наиболее точным, ясно говорится о двух группах монголов – одной, попавшей в засаду и практически уничтоженной, и второй, перешедшей Волгу в районе Сакисна и насчитывающей 4 000 человек: «Большинство из них были убиты, и лишь немногим удалось спастись. Однако есть и другая версия. Их было около четырёх тысяч, и они отправились в Саксин по пути обратно к своему правителю, Чингисхану...» [71: 224]. Итак, согласно источнику, зимой 1223–1224 г. Волгу пересекли только 4 000 воинов армии Джебе и Субедея. Поэтому сторонники версии, согласно которой именно корпус занимался разгромом восточных кыпчаков, меркитов Куду и канглов, должны исходить именно из такой его численности.

Эта обширная реконструкция политических событий, связанных с монгольским наступлением на запад 1222–1223 г., необходима для данного исследования потому, что она позволяет прояснить политические решения руководства корпуса, принятые им в период после разгрома западных кыпчаков и до битвы на Калке. Ключевым препятствием для дальнейшего продвижения на запад для монголов был союз восточных кыпчаков ольберли, меркитов Куду и, видимо,

примкнувших к ним канглов и остатков найманов и кераитов, который контролировал регион к востоку от Волги. Для двойного удара по ним (Джучи с востока, а корпус с запада) необходимы были мирные отношения с западными кыпчаками. Причины срыва первоначального плана, который выразился в отзыве Джучи на восток зимой 1222–1223 гг. и разгроме корпусом западных кыпчаков, до конца не ясны. Но корпус не мог реализовать поставленные задачи самостоятельно. Столкновение с алано-кыпчакской коалицией, которое закончилось для Джебей и Субедея неудачно (проблему пришлось решать через заключение мира с западными кыпчаками), демонстрирует, что возможности трех монгольских туменов были далеко не безграничны. Очевидно, что руководству корпуса необходимо было усиливать свой военный потенциал, а это было возможно только через установление связей с другими этническими или племенными группами региона.

Готовность русских князей поддержать кыпчаков и отправиться в рискованный поход в степь традиционно объясняется близкими родственными и союзными связями Рюриковичей и кочевников. Очевидно, что и эта причина сыграла свою роль. Однако прямое содержание сообщений летописей позволяет заключить, что у этого решения были вполне прагматические мотивы.

Хан Котян следующим образом убеждал своего зятя Мстислава Галицкого: «...сегодня отняли нашу землю, а завтра придут и отнимут вашу». В свою очередь Мстислав, обращаясь к русским князьям, аргументировал необходимость помощи кыпчакам следующим образом: «...братья, если мы им [кыпчакам] не поможем, то они [кыпчаки] могут перейти к ним [монголам] и их [монголов] сила увеличится» [22: 265].

На основании этих сообщений можно сделать два вывода. Во-первых, и русскими, и кыпчаками весной 1223 г. корпус Джебей и Субедея воспринимался как оккупационная армия, которая захватила владения одних и вполне могла нацелиться на владения других. На её скорый уход никто не надеялся. Во-вторых, по какой-то причине русские князья опасались того, что монголы не ограничатся захватом кыпчакских территорий, а починят себе самих кочевников, значительно увеличив свой военный потенциал.

Содержание биографии Субедея в Юань ши позволяет заключить, что эти опасения были вполне обоснованы: «Дошли и встретились с их [кыпчаков] главарями Юрием и Татауром, которые как раз собрались вместе у реки Буцзу. [Субэтай] пустил воинов в решительную атаку, рассеял и разогнал их людей. Был поражён стрелой сын Юрия, который сбежал в леса. Его рабы явились [к монголам] с донесением и его [сына Юрия] схватили, остальные целиком покорились [монголам], после чего [монголы] заняли их [кыпчаков] пределы. Также дошли

до реки Калки, встретились и имели одно сражение со старшим и младшим Мстиславами племени русских, которые сдались. Усмирили земли племени алан и вернулись. Рабы кыпчаков ходатайствовали о начальнике над ними, а Субэтай отпустил их в качестве вольного народа. Когда [он] вернулся, об этом стало известно, и император сказал так: «Рабы, которые не соблюдают верности господину, разве будут готовы стать верными другим?» и потому казнил их. Добавим к тому же, что [Субэтай] подал доклад трону, чтобы “тысячи” из меркитов, найманов, кирей, канглов и кыпчаков – всех этих обоков, вместе составили одну армию. [Чингисхан] последовал ему» [55: 228].

Источник опять же говорит о захвате монголами владений западных кыпчаков. Более того, сообщается о неких «рабах кыпчаков», которые содействовали в поимке сына Юрия Кончаковича, подчинились власти Джебе и Субедея, и проследовали вместе с ними в Монголию. Это прямое свидетельство того, что руководство корпуса весной 1223 г., взяв под контроль территории западных кыпчаков, проводило политику по включению подчинённых им коллективов в свою военную структуру. Ту политику, которую так опасались русские князья. Можно было бы предположить, что под «рабами кыпчаков» нужно понимать бродников. Однако то немногое, что мы знаем об отношениях этих двух групп, населявших степи Восточной Европы, скорее говорит о военном сотрудничестве по типу альянса. Оснований говорить о том, что бродники были подчинены кыпчакам, всё же нет. Вероятно, речь идёт о подконтрольном кыпчакам кочевом населении. В русских летописях неоднократно упоминаются подчинённые кыпчакам кочевые коллективы прежних хозяев восточноевропейских степей – торков и печенегов. Хотя они частично подчинялись кыпчакам, при наличии удобных обстоятельств стремились выйти из зависимости. Кыпчаки же, в свою очередь, всячески пытались вернуть над ними контроль [26: 78–106; 38: 19–112; 41: 244–245; 46: 140].

Включение этих «рабов кыпчаков» в военную структуру корпуса полностью проясняет загадку присутствия бродников в битве на Калке и статуса Плоскыни, который гарантировал русским князьям безопасность. Вероятно, после разгрома западных кыпчаков руководство корпуса начало трансформацию их политики, включая подчинённые им коллективы в монгольскую военную иерархию. В то же время Джебе и Субедей привлекали к сотрудничеству коллективы, находящиеся с западными кыпчаками в менее ясных отношениях. Если противоречивое сообщение египетских источников о подчинении кыпчаков токсоба Джучи (в реальности власти корпуса, действующего от его имени) действительно отражает историческую реальность, то оно даёт ещё одно подтверждение проведению подобной политики.

Это означает, что руководство корпуса привлекало на свою сторону не только подчинённые, «неполноправные», но и собственно кыпчакские коллективы, по каким-то причинам утратившие свои позиции в степи. Примечательно, что именно с племенем токсоба бродники взаимодействовали в качестве союзников в 1147 г.

Учитывая описанный статус Плоскыни и все вышеизложенные данные, можно заключить, что после разгрома на Буге (Буцзу) зимой 1222–1223 гг. корпус взял под контроль обширные территории кыпчаков, простирающиеся вплоть до Днестра. Бродники или их часть под руководством Плоскыни приняли условия Джебе и Субедея, вероятно, получив статус младших союзников, что в монгольской политической картине мира означало признание власти империи.

На то, что проблема взаимодействия или противостояния монголам была актуальна для населения низовьев Днестра, указывает и участие в русско-кыпчакской коалиции «галицких выгонцев». Согласно Ипатьевской летописи, «а выгонци Галичкыя придоша по Днѣпроу . и воиidoша в море . бѣ бо лoдeи тыcяцa . и воидoшa вo . Днѣпрѣ . и возведoшa порoгы и стaшa oу рѣкы Хорѣтиць . нa брoдoу oу Прoтoлчи . бѣ бо с ними Дoмaмѣричь Юрьги и Держикрaи . Володислaвичь пришедши же вѣсти вo стaны» [27: 508]. Указание на Днепр в данном случае является ошибкой переписчика, так как в других летописных текстах указан Днестр. Господствующее в историографии мнение состоит в том, что «галицкие выгонцы» жили по Днестру к югу от Галицко-Волынского княжества [48: 236]. Судя по всему, «выгонцы» идентичны «толковинам» более ранних летописных сообщений и являлись славянским населением низовьев Днестра. Основой их хозяйственного уклада являлось скотоводство (термины «выгон» и «толок» в древнерусском – синонимы, обозначали поле, предназначенное для выпаса скота) [45: 55–74]. Таким образом, источники указывают на то, что две ключевые славянские группы региона нижнего течения Днестра (бродники и выгонцы) заняли разные стороны в сложившемся на тот момент военном противостоянии. Фактически в мае 1223 г. в степи к востоку от Днепра столкнулись две коалиции. С одной стороны, выступали корпус Джебе и Субедея, бродники Плоскыни, «рабы кыпчаков» (вероятно, торки и печенеги) и, возможно, кыпчаки токсоба, а с другой – дуруты Котяня и другие западнокыпчакские орды, дружины русских князей и «галицкие выгонцы». То, что на Руси сложившаяся в степи ситуация рассматривалась как крайне серьёзная, подтверждается отправкой так и не успевших подкреплений из Владимиро-Суздальского княжества.

ЛИТЕРАТУРА

1. Антонов И.В. Башкиры в эпоху средневековья. Очерки этнической и политической истории. Уфа: ИП Галиуллин Д.А., 2012. 308 с.
2. Архимандрит Антонин (Капустин А.И.). Заметки XII–XV века, относящиеся к крымскому городу Сугдее (Судаку), приписанные на греческом Синаксаре // ЗООИД. 1863. Т. 5. С. 595–628.
3. Ахинжанов С.М. Кыпчаки в истории средневекового Казахстана. Издание исправленное. Алматы: Гылым, 1995. 269 с.
4. Бартольд В.В. Туркестан в эпоху монгольского нашествия. Ч. 2: Исследование. СПб.: Типография В. Киршбаума, 1900. 573 с.
5. Батюшков П.Н. Бессарабия. Историческое описание. СПб.: Типография Общественная польза, 1892. 177 с.
6. Бретшнейдер Э.В. Азия и Европа в эпоху средневековья: сравнительные исследования источников по географии и истории Центральной и Западной Азии XIII–XVII веков (послел. И.В. Кучумова). Башкортостан. СПб.: Свое издательство, 2018. 560 с.
7. Бубенок О.Б. Ясы и бродники в степях Восточной Европы (VI – начало XIII вв.). Киев: Логос, 1997. 220 с.
8. Вернадский Г.В. Монголы и Русь. Тверь: Леан; Москва: Аграф, 1997. 480 с.
9. Воротынцев Л.В. Ордынский фронтир: контактные зоны лесостепного пограничья Южной Руси в XIII – первой половине XV вв. Казань: Отечество, 2022. 349 с.
10. Голубовский П.В. Печенеги, торки и половцы до нашествия татар. История южнорусских степей IX–XIII вв. Киев: Ун-т. тип, 1884. 257 с.
11. Джувейни. Чингисхан. История завоевателя мира. М.: Магистр-Пресс, 2004. 690 с.
12. Дробышев Ю.И. Чингисхан и идея мирового господства // Восток (Oriens). 2024. № 1. С. 80–90.
13. Єремєєв П.В. Військові плани монголів що до Половецького степу та їх трансформація в ході дальнього рейду Субедея і Джебе (наперед одні першого русько-монгольського зіткнення) // Актуальні проблеми вітчизняної та всевітньої історії. 2008. № 11. С. 36–43.
14. История Казахстана в арабских источниках. Т. 1. Алматы: Дайк-Пресс, 2005. 711 с.
15. Исхаков Д.М., Закирова И.Г. К вопросу о присутствии в Западной Сибири следов домонгольских кыпчаков (на основе анализа дастана «Ак күбәк») // Золотоордынское обозрение. 2022. № 3. С. 504–522.
16. Козин С.А. Сокровенное сказание. Монгольская хроника 1240 г. М.: Изд-во АН СССР, 1941. 620 с.
17. Кононов А.Н. Сочинение Абу-л-Гази, хана хивинского. М.; Л.: Изд-во Академии наук СССР, 1958. 284 с.

18. *Кушкумбаев А.К.* Сведения казахских шежере по истории средневековых кыпчаков // Дешті Қыпшақтың орта ғасырлық тарихы» атты Халықаралық ғылыми конференция. 2017 жылдың 13–14 қыркүйүгі. Павлодар: «ЭКО» ГӨФЖШС, 2018. С. 76–82.

19. *Кычанов Е.И.* Сведения из «Истории династии Юань» («Юань ши») о Золотой Орде. Источниковедение истории Улуса Джучи (Золотой Орды). От Калки до Астрахани. 1223–1556. Казань: Ин-т истории АН РТ, 2022. С. 30–42.

20. *Миргалеев И.М.* Джучи – первый правитель улуса // Золотая Орда в мировой истории. Казань: Институт истории им. Ш. Марджани АН РТ, 2016. С. 72–77.

21. *Мункуев Н.Ц.* Мэн-да бэй-лу («Полное описание монголо-татар»). М.: Наука, 1975. 288 с.

22. Новгородская первая летопись старшего и младшего изводов. М.; Л.: АН СССР, 1950. 642 с.

23. *Оллсен Т.* Прелюдия к западным походам: монгольские военные операции в Волго-Уральском регионе в 1217–1237 годах // Степи Европы в эпоху средневековья. Донецк: ДонНУ, 2008. С. 351–362.

24. *Пашуто В.Т.* Внешняя политика Древней Руси. М.: Наука, 1968. 472 с.

25. *Плетнева С.А.* Половецкая земля // Древнерусские княжества X–XIII вв. М.: Наука, 1975. С. 260–300.

26. *Плетнева С.А.* Половцы. М.: Ломоносовъ, 2010. 216 с.

27. ПСРЛ. Ипатьевская летопись. Т. II. СПб., 1908. 638 с.

28. ПСРЛ. Лаврентьевская летопись. Т. I. Л.: Изд-во АН СССР, 1926–1927. 379 с.

29. *Порсин А.А.* Берке. Мусульманин на монгольском троне. Нур-Султан: «Гылым» баспасы, 2020. 424 с.

30. *Порсин А.А.* Джучи, Хан-Султан и несостоявшийся поход на запад // Джучи: личность, эпоха, память: сб. науч. ст. / отв. ред. А.К. Кушкумбаев. Алматы, 2020. С. 49–119.

31. *Порсин А.А.* Джучи. Несостоявшийся наследник. Астана, 2023. 392 с.

32. *Порсин А.А.* Процесс по делу об отравлении каана Угедея в контексте противоречий разных групп источников // Золотоордынское обозрение. 2023. № 1. С. 24–36.

33. *Порсин А.А.* Политическая цензура и историческая пропаганда в монгольских государствах XIII – начала XIV веков на примере сюжета о взятии Ургенча // Stratum plus. 2024. № 5. С. 333–348.

34. *Порсин А.А., Джунисова З.М.* Восточные и западные венгры в улусах Чагатай и Джучи // Stratum plus. 2023. № 5. С. 307–335.

35. *Поу С.* Последняя кампания и смерть Джебе-нойона // Золотоордынское обозрение. 2017. № 4. С. 698–725.

36. *Почекаев Р.Ю.* Батый. Хан, который не был ханом. М.: АСТ, 2006. 350 с.

37. Путешествия в восточные страны Плано Карпини и Рубрука. М.: Гос. изд-во геогр. лит., 1957. 272 с.

38. *Расовский Д.А.* Половцы. Черные клобуки: печенеги, торки и берендеи на Руси и в Венгрии. М.: ЦИВОИ, 2012. 238 с.
39. *Рашид ад-Дин.* Сборник летописей. Т. I, ч. 2. М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1952. 316 с.
40. *Рашид ад-Дин.* Сборник летописей. Т. II. М.; Л.: Изд-во Академии наук СССР, 1960. 248 с.
41. *Рыбаков Б.А.* Торческ – город Черных Клобуков // Археологические открытия. М., 1967. С. 244–245.
42. *Сабитов Ж.М.* Хронология Западного похода 1235–43 годов // Вестник Евразийского Национального Университета. 2011. № 5. С. 180–183.
43. *Сабитов Ж.М.* К вопросу о добровольном подчинении некоторых кыпчакских племен монголам в 1220–1230-е годы // Молодой ученый. 2015. № 10. С. 958–961.
44. *Ставицкий В.В.* Проблема локализации битвы 1223 года монголов с волжскими булгарами // Золотоордынское обозрение. 2024. Т. 12, № 2. С. 282–291.
45. *Суляк С.Г.* «Яже суть толковины»: к проблеме хозяйственного уклада древнерусского населения Карпато-Днестровских земель // Русин. 2014. № 2 (36). С. 55–75.
46. *Тайди Т.Ю.* Союз Черных клобуков (тюркское объединение на Руси в XI–XIII вв.). Киев, 2005. 222 с.
47. *Тимохин Д.М., Тишин В.В.* О новых тенденциях в изучении истории монгольских завоеваний: на примере статьи Стивена Поу «Последняя кампания и смерть Джебе-нойона» // Золотоордынское обозрение. 2018. № 3. С. 596–617.
48. *Тельнов Н.П., Степанов В.П., Руссев Н.Д. и др.* «И ... разошлись славяне по земле». Из истории Карпато-Днестровских земель VI–XIII вв. Кишинев: Высшая антропологическая школа, 2002. 240 с.
49. *Темиргалиев Р.Д.* Джучи – правитель Дешт-и-Кипчака // GLOBAL-Turk. 2016. № 1. С. 131–149.
50. *Усманова Э.Р., Ускенбай К.З., Кожа М.Б. и др.* Мавзолей Джучи-хана: история исследования. Самарканд: Международный институт центрально-азиатских исследований, 2024. 284 с.
51. *Успенский Ф.И.* Образование Второго Болгарского царства. Одесса, 1879. 354 с.
52. *Фахрутдинов Р.Г.* Очерки по истории Волжской Булгарии. М.: Наука, 1984. 216 с.
53. *Хара-Даван Э.* Чингис-хан как полководец и его наследие. Элиста: Калмыцкое книжное издательство, 1991. 196 с.
54. *Хаутала Р.* От «Давида, царя Индий» до «ненавистного племса сатаны». Антология ранних латинских сведений о татаро-монголах. Серия «Язма Мирас. Письменное Наследие. Textual Heritage». 2. Казань: Институт истории им. Ш. Марджани АН РТ, 2015. 496 с.

55. *Храпачевский Р.П.* Золотая Орда в источниках. III: Китайские и монгольские источники. М., 2009. 336 с.
56. *Храпачевский Р.П.* Половцы-куны в Волго-Уральском междуречье. М.: ЦИВОИ, 2013. 126 с.
57. *Храпачевский Р.П.* Отражение монгольских первоисточников XIII века в династийной истории «Юань ши». На материале походов монголов на Русь и в Восточную Европу // Древнейшие государства Восточной Европы. 2021 год: Восточная Европа и мир ислама. К юбилею Татьяны Михайловны Калининой / отв. ред. тома Б.Е. Рашковский, Е.А. Мельникова, Е.В. Литовских. М.: Университет Дмитрия Пожарского, 2021. С. 510–523.
58. *Шихаб ад-дин ан-Насави.* Сират ас-султан Джалал ад-Дин Манкбурны (Жизнеописание султана Джалал ад-Дин Манкбурны). М.: Восточная литература, 1996. 798 с.
59. *Шушарин В.П.* Свидетельства письменных памятников королевства Венгрии об этническом составе населения Восточного Прикарпатья первой половины XIII века // История СССР. 1978. Т. 2. С. 38–53.
60. *Юрченко А.Г.* Христианский мир и «Великая Монгольская империя». Материалы францисканской миссии 1245 года. СПб.: Евразия, 2002. 478 с.
61. *Atwood C.* Jochi and the Early Western Campaigns // *How Mongolia Matters: War, Law, and Society.* Leiden: Brill, 2017. P. 35–56.
62. *Atwood C.* Rashīd al-Dīn's Ghazanid chronicle and its Mongolian sources // *New Approaches to Ilkhanid History /* May, Timothy; Dashdondog, Bayarsaikhan; Atwood, Christopher P. (eds). Leiden; Boston: Brill, 2020. P. 53–121.
63. *Dawson C.* Mission to Asia: Narratives and Letters of the Franciscan Missionaries in Mongolia and China in the Thirteenth and Fourteenth Centuries. New York, 1979. 246 p.
64. *De Rachewiltz I.* The Secret History of the Mongols: A Mongolian Epic Chronicle of the Thirteenth Century. II vols. Leiden: Brill, 2004. 1350 p.
65. *Györffy György.* Az Árpád-kori magyar történeti földrajza. IV. k. Budapest, 1998.
66. *Khwandamir.* Habibu's-Siyar. The reign of the Mongol and the Turk. III / translated and edited by W.M. Thackston. 1994. 306 p.
67. *Maierov A.V.* The First Mongol Invasion of Europe: Goals and Results // *Journal of the Royal Asiatic Society.* 2022. № 32. P. 411–438.
68. *Pelliot P., Hambis L.* Histoire des campagnes de Gengis Khan. Chengwouts'in-tchenglou. Leiden, 1951. 485 p.
69. *Pow S., Liao J.* Subutai: Sorting fact from fiction surrounding the Mongol Empire's greatest general (with translations of Subutai's two biographies in the Yuan Shi) // *Journal of Chinese Military History.* № 7. Leiden: Brill, 2018. P. 37–76.
70. *Rashiduddin Fazlullah's Jami'u't-tawarikh, Compendium of Chronicles. A History of the Mongols.* Thackston, Wheeler M. (tr.). Cambridge, Massachusetts: Harvard University, Department of Near Eastern Languages and Civilizations, 1998–1999. 899 p.

71. Richards D.S. The Chronicle of Ibn al-Athir for the Crusading Period from al-Kāmil fī'l-ta'rikh. Part 3: The Years 589–629/1193–1231 // The Ayyūbids after Saladin and the Mongol Menace. 2008. Vol. 3. 344 p.

72. Rimanyi A. Closing the Steppe Highway: A New Perspective on the Travels of Friar Julian of Hungary. Annual of Medieval Studies at CEU. 24. Budapest: Central European University, 2018. P. 99–113.

73. *Tabakat-i-Nasiri*. A General History of the Muhammedan Dynasties of Asia, including Hindustan, from 194 (810 A.D.) to A.H. 658 (1260 A.D.) and the Irruption of the Infidel Mughals into Islam by Maulana, Minhaj-ud-Din, Abu-'Umar-i-'Usman Jawzani. II. London: Gilbert and Rivington, 1881. 1296 p.

REFERENCES

1. Antonov, I.V. (2012) *Bashkiry v epokhu srednevekov'ya. Ocherki etnicheskoj i politicheskoj istorii* [Bashkirs in the Middle Ages. Essays on Ethnic and Political History]. Ufa: IP Galiullin D.A.

2. Archimandrite Antonin (Kapustin, A.I.) (1863) Zаметки XII–XV века, otnosyashchiesya k krymskomu gorodu Sugdee (Sudaku), pripisannye na grecheskom Sinaksare [Notes from the 12th–15th centuries related to the Crimean city of Sugdeya (Sudak), attributed to the Greek Synaxarion]. *ZOOID*. 5. pp. 595–628.

3. Akhinzhanov, S.M. (1995) *Kypchaki v istorii srednevekovogo Kazakhstana* [Kipchaks in the history of medieval Kazakhstan]. Almaty: Gylm.

4. Bartold, V.V. (1900) *Turkestan v epokhu mongol'skogo nashestviya* [Turkestan during the Mongol invasion]. Vol. 2. St. Petersburg: V. Kirshbaum.

5. Batyushkov, P.N. (1892) *Bessarabiya. Istoricheskoe opisaniye* [Bessarabia. Historical Description]. St. Petersburg: Tipografiya Obshchestvennaya pol'za.

6. Bretschneider, E.V. (2018) *Aziya i Evropa v epokhu srednevekov'ya: sravnitel'nye issledovaniya istochnikov po geografii i istorii Tsentral'noy i Zapadnoy Azii XIII–XVII vekov* [Asia and Europe in the Middle Ages: Comparative Studies of Sources on the Geography and History of Central and Western Asia in the 13th–17th Centuries]. Bashkortostan; St. Petersburg: Svoe izdatel'stvo.

7. Bubenok, O.B. (1997) *Yasy i brodniki v stepyakh Vostochnoy Yevropy (VI – nachalo XIII vv.)*. [Yassy and Brodnici in the steppes of Eastern Europe (6th – early 13th century)]. Kyiv: Logos.

8. Vernadsky, G.V. (1997) *Mongoly i Rus'* [Mongols and Rus']. Tver: Lean; Moscow: Agraf.

9. Vorotyntsev, L.V. (2022) *Ordynskiy frontir: kontaktnye zony lesostepnogo pogranich'ya Yuzhnoy Rusi v XIII – pervoy polovine XV vv.* [Horde Frontier: Contact Zones of the Forest-Steppe Borderland of Southern Rus' in the 13th – First Half of the 15th Centuries]. Kazan: Otechestvo.

10. Golubovsky, P.V. (1884) *Pechenegi, torki i polovtsy k nashestviyu tatar. Istoriya yuzhnorusskikh stepey VI–XIII vv.* [Pechenegs, Torks and Polovtsians

before the Tatar invasion. History of the southern Russian steppes in the 9th–13th centuries.]. Kyiv: Un-t. tip.

11. Juvayni. (2004) *Chingiskhan. Istoriya zavoevatelya mira* [Genghis Khan. The History of the World Conqueror]. Moscow: Magistr-Press.

12. Drobyshev, Yu. I. (2024) Chingiskhan i ideya mirovogo gospodstva [Genghis Khan and the Idea of World Domination]. *Vostok*. 1. pp. 80–90.

13. Eremeev, P.V. (2008) Viys'kovi plani mongoleiv shcho do Polovets'kogo stepu ta i'kh transformatsiya v khodi dal'n'ogo reydu Subedeya i Dzhebe (napered odni pershogo rus'ko-mongol'skogo zitknennya) [The military plans of the Mongols to the Polovtsian Steppe and their transformation during the long-distance raid of Subedei and Jebe (before one of the first Russian-Mongolian invasions)]. *Aktual'ni problemi vitchiznyanoi' ta vsesvitn'oi' istorii'*. 11. pp. 36–43.

14. Abuseitova, M.Kh. et al. (eds) (2005) *Istoriya Kazakhstana v arabskikh istochnikakh* [History of Kazakhstan in Arabic Sources]. Vol. 1. Almaty: Dayk-Press.

15. Iskhakov, D.M. & Zakirova, I.G. (2022) K voprosu o prisutstviy v Zapadnoy Sibiri sledov domongol'skikh kypchakov (na osnove analiza dastana “Ak kybək”) [On pre-Mongol Kipchaks in Western Siberia (based on the analysis of the dastan “Ak kubək”).] *Zolotoordynskoe obozrenie*. 3. pp. 504–522.

16. Kozin, S.A. (1941) *Sokrovennoye skazanie. Mongol'skaya khronika 1240 g.* [Secret Tale. Mongolian Chronicle of 1240]. Moscow: USSR AS.

17. Kononov, A.N. (1958) *Sochinenie Abu-l-Gazy, khana khivinskogo* [The work of Abu-l-Ghazi, Khan of Khiva]. Moscow; Leningrad: USSR AS.

18. Kushkumbaev, A.K. (2018) Svedeniya kazakhskikh shezhere po istorii srednevekovykh kypchakov [Information from Kazakh shezhere on the history of medieval Kipchaks]. *Deshti Kypshak, tyñ orta gasyrlyk tarikhy atty Khalyk, aralyk, gylymi konferentsiya*. 2017 zhilishch 13–14 Irkutii. Pavlodar: “EKO” GÖFZhShS. pp. 76–82.

19. Kychanov, E.I. (2022) Svedeniya iz “Istorii dinastii Yuan” (“Yuan' shi”) o Zolotoy Orde. [Information from the “History of the Yuan Dynasty” (“Yuan shi”) about the Golden Horde]. In: Usmanov, M.A. (ed.) *Istochnikovedenie istorii Ulusa Dzhuchi (Zolotoy Ordyy). Ot Kalki do Astrakhani. 1223–1556* [Source studies of the history of the Ulus of Jochi (Golden Horde). From Kalka to Astrakhan. 1223–1556]. Kazan: AS RT. pp. 30–42.

20. Mirgaleev, I.M. (2016) Dzhuchi – pervyy pravitel' ulusa [Jochi is the first ruler of the ulus]. In: Mirgaleev, I.M. (ed.) *Zolotaya Orda v mirovoy istorii* [The Golden Horde in World History]. Kazan: AS RT. pp. 72–77.

21. Munkuev, N.T. (1975) *Men-da bey-lu* (“Polnoe opisanie mongolo-tatar”) [Men-da bei-lu (“Complete description of the Mongol-Tatars”).] Moscow: Nauka.

22. Nasonov, A.N. (ed.) (1950) *Novgorodskaya pervaya letopis' starshego i mladshego izvodov* [Novgorod First Chronicle of the Senior and Junior Editions]. Moscow; Leningrad: USSR AS.

23. Ollsen, T. (2008) Preludiviya k zapadnym pokhodam: mongol'skie voen-

nye operatsii v Volgo-Ural'skom regione v 1217–1237 godakh [Prelude to the Western Campaigns: Mongol Military Operations in the Volga-Ural Region in 1217–1237]. In: Evglevskiy, A.V. (ed.) *Stepi Evropy v epokhu srednevekov'ya* [The Steppes of Europe in the Middle Ages]. Donetsk: DonNU. pp. 351–362.

24. Pashuto, V.T. (1968) *Vneshnyaya politika Drevney Rusi* [Foreign Policy of Old Rus]. Moscow: Nauka.

25. Pletnevaya, S.A. (1975) Polovetskaya zemlya [Polovtsian Land]. In: Beskrovnyy, L.G. (ed.) *Drevnerusskie knyazhestva X–XIII vv.* [Old Russian Principalities of the 10th–13th Centuries]. Moscow: Nauka. pp. 260–300.

26. Pletnevaya, S.A. (2010) *Polovtsy* [Polovtsians]. Moscow: Lomonosov.

27. Anon. (1908) Ipat'evskaya letopis' [The Hypatian Codex]. In: Shakhmatov, A.A. (ed.) *Polnoe sobranie russkikh letopisey* [Complete Collection of Russian Chronicles]. Vol. II. St. Petersburg: [s.n.].

28. Anon. (1926–1927) Lavrent'evskaya letopis' [The Laurentian Codex]. In: Karskiy, I.F. (ed.) *Polnoe sobranie russkikh letopisey* [Complete Collection of Russian Chronicles]. Vol. 1. Leningrad: USSR AS.

29. Porsin, A.A. (2020) *Berke. Musul'manin na mongol'skom trone* [Berke: A Muslim on the Mongol Throne]. Nur-Sultan: “Gylym” baspasy.

30. Porsin, A.A. (2020) Dzhuchi, Khan Sultan i nesostoyavshiysya pokhod na zapad [Jochi, Khan Sultan and the Failed Campaign to the West]. In: Kushkumbaev, A.K. (ed.) *Dzhuchi: lichnost', epokha, pamyat'* [Jochi: Personality, Era, Memory]. Almaty [s.n.]. pp. 49–119.

31. Porsin, A.A. (2023) *Dzhuchi. Nesostoyavshiysya naslednik* [Jochi. The Failed Heir]. Astana: [s.n.].

32. Porsin, A.A. (2023) Protseess po delu ob otravlenii kaana Ugedeya v kontekste protivorechiy raznykh grupp istochnikov [The trial of the poisoning of Kaan Ogedei in the context of contradictions in different groups of sources]. *Zolotoordynskoe obozrenie*. 1. pp. 24–36.

33. Porsin, A.A. (2024) Politicheskaya tsenzura i istoricheskaya propaganda v mongol'skikh gosudarstvakh XIII – nachala XIV vekov na primere syuzheta o vzyatii Urgench [Political Censorship and Historical Propaganda in the Mongolian States of the 13th – early 14th Centuries, as Illustrated by the Story of the Capture of Urgench]. *Stratum plus*. 5. pp. 333–348.

34. Porsin, A.A. & Dzhunisova, Z.M. (2023) Vostochnye i zapadnye vengry v ulusakh Chagataya i Dzhuchi [Eastern and Western Hungarians in the Uluses of Chagatai and Jochi]. *Stratum plus*. 5. pp. 307–335.

35. Pow, S. (2017) Poslednyaya kampaniya i smert' Dzhebe-noyona [The Last Campaign and the Death of Jebe Noyon]. *Zolotoordynskoe obozrenie*. 4. pp. 698–725.

36. Pochekaev, R.Yu. (2006) *Batyy. Khan, kotoryy ne byl khanom* [Batu. The Khan Who Was Not a Khan]. Moscow: AST.

37. da Pian del Carpino, G. & de Rubrouck. (1957) *Puteshestviya v vostochnye*

strany Plano Karpini i Rubruka [Travels to the eastern countries of Pian del Carpine and de Rubrouck]. Moscow: Gos. izd-vo geogr. lit-ry.

38. Rasovskiy, D.A. (2012) *Polovtsy. Chernye klobuki: pechenegi, torki i berendei na Rusi i v Vengrii* [Polovtsy. Black Hoods: Pechenegs, Torks, and Berendeys in Rus' and Hungary]. Moscow: TsIVOI.

39. Rashid ad-Din. (1952) *Sbornik letopisey* [Collection of Chronicles]. Vol. I(2). Moscow; Leningrad: USSR AS.

40. Rashid ad-Din. (1960) *Sbornik letopisey* [Collection of Chronicles]. Vol. 2. Moscow; Leningrad: USSR AS.

41. Rybakov, B.A. (1967) Torchesk – gorod Chernykh Klobukov [Torchesk – the city of Black Hoods]. In: *Arkheologicheskie otkrytiya* [Archaeological Discoveries]. Moscow: [s.n.]. pp. 244–245.

42. Sabitov, Zh.M. (2011) Khronologiya Zapadnogo pokhoda 1235–43 godov [Chronology of the Western Campaign 1235–1243]. *Vestnik Evraziyskogo Natsional'nogo Universiteta*. 5. pp. 180–183.

43. Sabitov, Zh.M. (2015) K voprosu o dobrovol'nom podchinenii nekotorykh kypchakskikh plemen mongolam v 1220–1230-e gody [On the voluntary submission of some Kipchak tribes to the Mongols in the 1220–1230s]. *Moloday uchenyy*. 10. pp. 958–961.

44. Stavitskiy, V.V. (2024) Problema lokalizatsii bitvy 1223 goda mongolov s volzhskimi bulgarami [The problem of localization of the 1223 battle of the Mongols with the Volga Bulgarians]. *Zolotoordynskoe obozrenie*. 12(2). pp. 282–291.

45. Sulyak, S.G. (2014) “What are the Essence of Interpretations”: On the Problem of the Economic Structure of the Old Russian Population of the Carpathian-Dniester Lands. *Rusin*. 2(36). pp. 55–75 (in Russian). doi: 10.17223/18572685/36/3

46. Taydi, T.Yu. (2005) *Soyuz Chernykh klobukov (tyurkskoe ob'edineniye na Rusi v XI–XIII vv.)*. [Union of Black Hoods (Turkic Association in Rus' in the 11th–13th Centuries)]. Kyiv: [s.n.].

47. Timokhin, D.M. & Tishin, V.V. (2018) O novykh tendentsiyakh v izuchenii istorii mongol'skikh zavoevaniy: na primere stat'i Stivena Pou “Poslednyaya kompaniya i smert' Dzhebe-noyona” [On New Trends in the Study of the History of the Mongol Conquests: Based on Stephen Pow's Article “The Last Campaign and the Death of Jebe Noyon.”]. *Zolotoordynskoe obozrenie*. 3. pp. 596–617.

48. Telnov, N.P., Stepanov, V.P., Russev, N.D. et al. (2002) “I... razoshlis' slavyane po zemle.” *Iz istorii Karpato-Dnestrovskikh zemel' VI–XIII vv.* [“And ... the Slavs dispersed throughout the land.” From the history of the Carpathian-Dniester lands of the 9th – 13th centuries]. Chisinau: Higher Anthropological School.

49. Temirgaliev, R.D. (2016) Dzhuchi – pravitel' Desht-i-Kipchaka [Jochi is the ruler of Desht-i-Kipchak]. *GLOBAL-Turk*. 1. pp. 131–149.

50. Usmanova, E.R., Uskenbay, K.Z., Kozha, M.B. et al. (2024) *Mavzoley Dzhuchikhana: istoriya issledovaniya* [The Mausoleum of Jochi Khan: History of Research]. Samarkand: International Institute of Central Asian Studies.

51. Uspenskiy, F.I. (1879) *Obrazovanie Vtorogo Bolgarskogo tsarstva* [Formation of the Second Bulgarian Kingdom]. Odessa: [s.n.].

52. Fakhrutdinov, R.G. (1984) *Ocherki po istorii Volzhskoy Bulgarii* [Essays on the history of Volga Bulgaria]. Moscow: Nauka.

53. Khara-Davan, E. (1991) *Chingis-khan kak polkovodets i ego nasledie* [Genghis Khan as a military leader and his legacy]. Elista: Kalmytskoe knizhnoe izdatel'stvo.

54. Khaudala, R. (2015) *Ot "Davida, tsarya Indiy" do "nenavistnogo plebsa satany"*. *Antologiya rannikh latinskikh svedeniy o tataro-mongolakh* [From "David, King of India" to "the hated plebs of Satan." An anthology of early Latin information about the Tatar-Mongols]. Vol. 2. Kazan: AS RT.

55. Khrapachevskiy, R.P. (2009) *Zolotaya Orda v istochnikakh. Kitayskie i mongol'skie istochniki* [Golden Horde in sources. Chinese and Mongolian sources]. Vol. 3. Moscow: [s.n.].

56. Khrapachevskiy, R.P. (2013) *Polovtsy-kuny v Volgo-Ural'skom mezhdurech'e* [Cumans-Kuni in the Volga-Ural interfluve]. Moscow: TsIVOI.

57. Khrapachevskiy, R.P. (2021) Otrazhenie mongol'skikh pervoistochnikov XIII veka v dinastiynoy istorii "Yuan' shi". Na materiale pokhodov mongolov na Rus' i v Vostochnuyu Evropu [Reflection of Mongolian primary sources of the 13th century in the dynastic history of "Yuan shi." Based on the Mongol campaigns against Rus' and Eastern Europe]. In: Rashkovskiy, B.E., Melnikova, E.A. & Litovskikh, E.V. (eds) *Drevneyshie gosudarstva Vostochnoy Evropy. 2021 god: Vostochnaya Evropa i mir islama. Kyubileyu Tat'yany Mikhailovny Kalininoy* [The oldest states of Eastern Europe. 2021: Eastern Europe and the world of Islam. On the anniversary of Tatyana Mikhailovna Kalinina]. Moscow: Dmitry Pozharsky University. pp. 510–523.

58. Shikhab ad-din an-Nasavi. (1996) *Sirat as-sultan Dzhahal ad-Din Mankburny (Zhizneopisanie sultana Dzhahal ad-Din Mankburny)* [Sirat al-Sultan Jalal ad-Din Mankburni (Biography of Sultan Jalal ad-Din Mankburni)]. Moscow: Vostochnaya literatura.

59. Shusharin, V.P. (1978) Svidetel'stva pis'mennykh pamyatnikov korolevstva Vengrii ob etnicheskom sostave naseleniya Vostochnogo Prikarpat'ya pervoy poloviny XIII veka [Evidence from written monuments of the Kingdom of Hungary on the ethnic composition of the population of the Eastern Carpathian region in the first half of the 13th century]. *Istoriya SSSR*. 2. pp. 38–53.

60. Yurchenko, A.G. (2002) *Khristianskiy mir i "Velikaya Mongol'skaya imperiya"*. *Materialy frantsiskanskoy missii 1245 goda* [The Christian World and the "Great Mongol Empire." Materials of the Franciscan Mission of 1245]. St. Petersburg: Evraziya.

61. Atwood, C. (2017) *Jochi and the Early Western Campaigns. How Mongolia Matters: War, Law, and Society*. Leiden: Brill. pp. 35–56.

62. Atwood, C. (2020) Rashīd al-Dīn's Ghazanid chronicle and its Mongolian sources. In: May, T., Dashdondog, B. & Atwood, C.P. (eds) *New Approaches to Ilkhanid History*. Leiden; Boston: Brill. pp. 53–121.

63. Dawson, C. (1979) *Mission to Asia: Narratives and Letters of the Franciscan Missionaries in Mongolia and China in the Thirteenth and Fourteenth Centuries*. New York: [s.n.].

64. De Rachewiltz, I. (2004) *The Secret History of the Mongols: A Mongolian Epic Chronicle of the Thirteenth Century*. Leiden: Brill.

65. Györfy, G. (1998) *Az Árpád-kori magyar történeti földrajza*. Vol. IV. Budapest: [s.n.].

66. Khwandamir. (1994) *Habibu's-Siyar. The reign of the Mongol and the Turk*. Vol. III. Transl. by W.M. Thackston. Cambridge, Massachusetts: Department of Near Eastern Languages and Civilizations, Harvard University

67. Maiorov, A.V. (2022) The First Mongol Invasion of Europe: Goals and Results. *Journal of the Royal Asiatic Society*. 32. pp. 411–438.

68. Pelliot, P. & Hambis, L. (1951) *Histoire des campagnes de Gengis Khan. Cheng-wouts'in-tchenglou*. Leiden: [s.n.].

69. Pow, S. & Liao, J. (2018) Subutai: Sorting fact from fiction surrounding the Mongol Empire's greatest general (with translations of Subutai's two biographies in the Yuan Shi). *Journal of Chinese Military History*. 7. pp. 37–76.

70. Rashiduddin Fazlullah. (1998–1999) *Jami'u't-tawarikh, Compendium of Chronicles. A History of the Mongols*. Cambridge, Massachusetts: Harvard University, Department of Near Eastern Languages and Civilizations.

71. Richards, D.S. (2008) The Chronicle of Ibn al-Athir for the Crusading Period from al-Kāmil fī'l-ta'rikh. Part 3: The Years 589–629/1193–1231. *The Ayyūbids after Saladin and the Mongol Menace*. 3.

72. Rimanyi, A. (2018) Closing the Steppe Highway: A New Perspective on the Travels of Friar Julian of Hungary. *Annual of Medieval Studies at CEU*. 24. Budapest: Central European University. pp. 99–113.

73. Tabakat-i-Nasiri. (1881) *A General History of the Muhammedan Dynasties of Asia, including Hindustan, from 194 (810 A.D.) to A.H. 658 (1260 A.D.) and the Irruption of the Infidel Mughals into Islam by Maulana, Minhaj-ud-Din, Abu-'Umar-i-'Usman Jawzani*. Vol. 2. London: Gilbert and Rivington.

Порсин Артём Александрович – кандидат исторических наук, независимый исследователь, Магнитогорск (Россия).

Artem A. Porsin – independent researcher, Magnitogorsk (Russia).

E-mail: porsinart@gmail.com